

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.04.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс

(направленность (профиль))

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)**

на тему «Преступное сообщество (преступная организация) как форма соучастия»

Обучающийся

Д.А. Алмакаев

(Инициалы. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, доцент, Т.Ю. Дементьева

(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Общая характеристика соучастия, предназначение и признаки	8
1.1 Институт соучастия в уголовном законодательстве	8
1.2 История возникновения и развития форм соучастия в уголовном праве России	14
1.3 Система форм соучастия в современном уголовном праве России и их общая характеристика	20
Глава 2 Преступное сообщество (преступная организация) как форма соучастия.....	28
2.1 Понятие и признаки преступного сообщества (организации)	28
2.2 Соотношение понятий «преступное сообщество» и «преступная организация».....	35
2.3 Уголовная характеристика преступного сообщества в действующем уголовном законодательстве.....	40
Глава 3 Проблемы квалификации преступлений, совершаемых в составе преступного сообщества (организации) и пути их решения	47
3.1 Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ	47
3.2 Проблемы отграничения соучастия в форме преступного сообщества (организации) от иных форм соучастия и групповых форм совершения преступления.....	52
3.3 Рекомендации, направленные на совершенствование положений ст. 210 УК РФ, а также иных уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за соучастие	57
Заключение	66
Список используемой литературы и используемых источников.....	71

Введение

Актуальность исследования. Совершение преступлений в соучастии представляет повышенную общественную опасность, что находит своё отражение в нормах действующего Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) [54].

Организованные формы преступной деятельности, такие как преступное сообщество (преступная организация) выводят общественную опасность противоправных посягательств на качественно новый уровень, побуждая законодателя и правоприменителя определять соответствующий вектор эффективного и целенаправленного противодействия противоправным проявлениям такого рода.

Феномен организованной преступности развивается параллельно с индивидуальной преступной деятельностью, обладая при этом, своими собственными признаками, показателями, значимыми аспектами, позволяющими говорить о данном феномене достаточно определённо и предметно.

Тем не менее, на данном этапе вести какую-либо речь об успешном противодействии организованной преступности не приходится. Это вызвано постоянным изменением форм высокоорганизованных преступных объединений, стремящихся адаптироваться к новым экономическим и политическим условиям, а также к достижениям научно-технического прогресса.

Кроме того, имеют место многочисленные ошибки правоприменения, допускаемые как на этапе квалификации организованных форм преступной деятельности в рамках возбуждения уголовного дела, так и при разрешении соответствующих уголовных дел судом. Вероятно, это связано с противоречивым судебным толкованием, что обусловлено различиями в подходах к правоприменению.

Соответствующая уголовно-правовая основа противодействия организованной преступности заложена как в нормах Общей части УК РФ, в рамках регламентации соучастия в преступлении (глава 7 УК РФ), так и в нормах Особенной части, применительно к отдельным составам преступлений, касающимся организованной преступности – например, ст. 210 УК РФ. Именно данная уголовно-правовая норма стала ключевой в формировании эффективной практики противодействия созданию преступных сообществ (преступных организаций) и участию в таковых.

В 2009 году данная статья претерпела знаковые изменения. При этом, в 2008 году было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2008 г. № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» [40], которое утратило свою силу в 2010 году с принятием одноимённого Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 г. № 12 уже иного содержания [41].

Несмотря на прошедший с момента законодательных изменений более чем десятилетний период, эффективность практики привлечения к уголовной ответственности по ст. 210 УК РФ при высокой латентности исследуемого состава преступления остается недопустимо низкой, о чём свидетельствует относительно низкое количество дел, которые доходят до суда и заканчиваются рассмотрением дела по существу.

Согласно доступных статистических данных за период с 2019 по 2022 года количество рассмотренных судами дел по бандитизму, организации незаконных формирований банд и преступных организаций или участие в них (ст. 208-210 УК РФ) постоянно увеличивается (2019 год – 244, 2020 год – 233, 2021 год – 264, 2022 год – 317) [59].

Кроме того, существенные вопросы и дискуссии вызывают последние законодательные реформы, а именно дополнение в 2020 году примечаний к ст. 210 УК РФ в связи с принятием Федерального закона от 01.04.2020 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и

статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», которые, фактически, не имеют отношения к составу преступления [57].

Объектом исследования выступает преступное сообщество (преступная организация) как форма соучастия в уголовном праве России.

Предметом исследования выступают нормы действующего уголовного законодательства, а также материалы судебной практик, касающиеся проблем соучастия.

Цель исследования – всестороннее исследование соучастия как уголовно-правового явления с акцентом на сущность преступного сообщества (преступной организации), а также формулирование рекомендаций по совершенствованию уголовного законодательства в исследуемом аспекте.

Для достижения поставленной цели необходимо выполнить следующие задачи:

- определить понятие соучастия в преступлении, рассмотреть исторический контекст и дать уголовно-правовую характеристику преступного сообщества (преступной организации) как одной из форм соучастия;
- проанализировать современные проблемы, связанные с такой формой соучастия, как преступное сообщество (преступная организация);
- рассмотреть возможные пути решения выявленных проблем и разработать рекомендации, направленные на совершенствование законодательства по вопросам соучастия, а также статьи 210 УК РФ.

Теоретическую основу исследования составили труды таких авторов, как: Берсенев А.А. Н.О. Бычкова, Ж.В. Виденькина, А.В. Горенцев, Д.А. Григорьев, Д.Е. Еременко, А.М. Иванова, А.В. Канюкова, М.С. Кармановский, М.Г. Козловская, М.А. Кшевицкая, В.Н. Лебедев, А.Н. Мондохонов, А.П. Пинчук, Ю.Е. Пудовочкин, А.Ю. Сологубов, К.Е. Теребилова, Е.В. Хромов, Р.Д. Шарапов, К.Е. Штепа и других авторов.

Методы исследования. Методологической основой исследования является совокупность общенаучных и специальных методов юридической науки, которые применимы к указанному спектру отношений, выступающих предметом настоящего магистерского исследования.

Научная новизна исследования. Научная новизна предопределяется активным обращением к современным публикациям.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в возможности использования результатов проведённой работы для научной и преподавательской деятельности.

Степень разработанности темы исследования. На протяжении длительного периода многие исследователи изучали указанную проблему. Так, ряд актуальных проблем обозначено в работах таких авторов, как Р.Д. Шарапов, К.М. Юсупманов, А.А. Саетгареева, В.Н. Лебедев, Е.Я. Лухнева, М.Г. Козловская, М.А. Кшевицкая, Ж.В. Виденькина, А.Н. Мондохонов, А.М. Иванова и других.

Вместе с тем, большая часть из перечисленных учёных проводили свои исследования до законодательных изменений 2009 года, что, не отрицая теоретической значимости таких исследования, говорит об утрате ими своей актуальности.

Нормативно-правовая основа исследования. Нормативную основу работы составили нормы действующего уголовного законодательства, а также материалы судебной практики по уголовным делам о соучастии.

Положения, выносимые на защиту:

- следует убрать противоречия между различными статьями УК РФ, посвященными преступному сообществу (привести понятие преступного сообщества к единому образцу во всех статьях уголовного закона, либо заменить словосочетание «преступное сообщество» на понятие «преступная организация»);
- установить более объективные критерии такого отличительного признака преступного сообщества, как структурированность

(необходимо уточнение, в чем именно выражается территориальная обособленность, а также указание на то, что при оценке структурированности необходимо учитывать только те отношения между соучастниками, которые проявились в совместном совершении преступления);

- необходима более корректная формулировка цели создания преступной организации (наиболее корректно указать в законе не то, с какой целью создано сообщество, а то, с какой целью оно функционирует);
- изложить ч. 4 ст. 35 УК РФ следующим образом: «Преступление признается совершенным преступной организацией, если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых принимают участие в совершении одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, направленных на получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды»;
- разделить ст. 210 УК РФ на две самостоятельные уголовно-правовые нормы, одна из которых будет посвящена уголовной ответственности за создание и руководство преступной организацией, другая - за участие в данном сообществе;
- необходимо ограничить понятие руководства, данное в Постановлении Пленума ВС РФ № 12 (убрать указание на разработку планов и обеспечение условий для осуществления деятельности).

Структура магистерской диссертации. Магистерская диссертация включает в себя введение, три главы, разделённые на восемь параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Общая характеристика соучастия, предназначение и признаки

1.1 Институт соучастия в уголовном законодательстве

Исследование института соучастия в уголовном законодательстве необходимо начинать с определения понятия данного явления. Законодательное определение соучастия закреплено в ст. 32 УК РФ, согласно которой соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления [54].

Однако, несмотря на наличие законодательного определения соучастия, в современной правовой доктрине имеет место достаточно большое количество различных определений данного института. Каждый автор определяет соучастие, выделяя наиболее важные на его взгляд признаки.

Так, в научной доктрине встречается определение соучастия, как совместное умышленное участие двух или более лиц в совершении одного и того же умышленного преступления [59].

Как видно, данное определение, по сути, дублирует нормативное определение.

К.М. Юсупанов определяет соучастие, как «умышленное совершение двумя и более лицами, которые являются субъектами преступления, одного и того же умышленного преступления» [63, с. 426].

Д.Н. Федорова полагает, что «от того, что участие в преступлении принимало лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности или невменяемое, преступление не перестает быть совершенным в соучастии» [58, с. 55].

Но уголовное законодательство не содержит прямого указания на то, стоит ли рассматривать совершение преступления в соучастии, если оно было совершено с участием малолетних или невменяемых лиц. В связи с этим данный вопрос вызывает множество споров в современной доктрине и может

вызывать проблемы в правоприменении. Таким образом, представляется необходимым закрепление нужного уточнения в соответствующей статье УК РФ, поскольку вполне реальны случаи, когда организатором, подстрекателем и пособником будет являться совершеннолетнее лицо, а исполнителем – лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности.

К.Е. Теребилова, исследовавшая институт соучастия, отмечает, что «...это институт Общей части уголовного права, задача которого заключается не в усилении или ослаблении ответственности отдельных лиц, его роль значительно шире. Институт соучастия определяет круг лиц, ответственных за совершение преступного деяния, в этом и только в этом его смысл и значение» [52, с. 169].

С этим определением сложно согласиться. Более корректным представляется рассматривать соучастие и как институт, определяющий круг лиц, ответственных за совершение преступления, и как обстоятельство, усиливающее уголовную ответственность.

Ю.Е. Пудовочкин отмечает, что соучастие следует рассматривать, как «факт совершения несколькими лицами и особенность такой деятельности состоит в том, что объективно (причинно) и виновно действия каждого участника связаны, во-первых, друг с другом, а во-вторых, с самим фактом непосредственного преступного посягательства и наступившим преступным результатом» [44, с. 105].

Эффективность системы оценивается качественными и количественными характеристиками достигаемой цели – преступного результата. Общественная опасность соучастия в преступлении находится в прямой зависимости от этого параметра. Структура управления в разных видах соучастия в преступлении, если их рассматривать как системы, обладает разной степенью устойчивости.

Проанализируем признаки соучастия более подробно.

Как указывается специалистами, «одним из важнейших признаков соучастия является совместность участия в совершении преступления двух и

более лиц. Каждый из соучастников вносит определенный вклад в совершение преступления, деятельность каждого участника направлена на получение общего преступного замысла» [44, с. 106].

Р.Д. Шарапов отмечает, что «умышленное совместное участие лиц в совершении преступного деяния подразумевает под собой, что в содержании вины каждого соучастника должны найти отражение те фактические обстоятельства, которые составляют объективные признаки соучастия в преступлении» [60, с. 112].

Следующим признаком соучастия, указанным в законе, является наличие умысла на совершение преступления.

Вряд ли можно оспаривать утверждение о том, что разновидность умысла соучастников не ограничивается прямым умыслом. Направленность и содержание умысла может иметь косвенный характер.

Примером такого соучастия может служить ситуация, когда имело место распространение наркотических веществ, при которой организаторами привлекались лица для передачи самих наркотиков или же лица, через которые обеспечивалось взаимодействие с покупателями веществ. В процессе судебного разбирательства данные лица утверждали, что не знали о том, что участвовали в схеме распространения наркотических веществ, однако суд признавал их действия, совершенные с косвенным умыслом [4].

Другой признак, - указание на совершение одного и того же преступления, выделяется непосредственно в доктринальных определениях соучастия.

Согласно ч. 4 ст. 34 УК РФ, - лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части УК РФ, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника [54].

Анализ практики Верховного Суда Российской Федерации по делам о соучастии говорит о том, что судами в ряде случаев в качестве

квалифицирующего обстоятельства рассматривается особо активная роль исполнителя в совершении преступления без уточнения того, в чем именно, кроме исполнительства, она выражается.

Так, по одному из дел Верховный суд отменил вынесенный приговор областного суда, в связи с тем, что в нем не было указано, в чем именно выражалась особо активная роль исполнителя в совершении преступления. Согласно материалам дела, соучастники преступления наносили «множественные удары руками и ногами по различным частям тела, в том числе по голове и грудной клетке. Игнорируя просьбы потерпевшего прекратить избиение, А. и К. продолжали наносить удары, при этом каждый из них нанес Б. не менее двух ударов шваброй по голове. После этого К. деревянным стулом нанес Б. удар по голове, от чего стул сломался. Тогда К., взяв от разбитого стула ножку, нанес ею не менее трех ударов по голове потерпевшего, а затем нанес Б. удар по голове гитарой. Продолжая избиение, А. и К. каждый пустой стеклянной бутылкой нанесли по одному удару по голове потерпевшего. В то же время Ч. кухонным ножом нанес Б. несколько ударов в шею, голову и предплечье левой руки, причинив ему тем самым телесные повреждения» [34].

Суд отметил, что действия А. и К. характеризовались особо активным участием в совершении преступления, что следует признать отягчающими обстоятельствами.

УК РФ в ст. 33 закрепляет виды соучастников.

Ключевой фигурой, безусловно, можно считать исполнителя преступления. Именно он в совершаемом деянии реализует волю всех соучастников. Он осознает, что его действия направлены на достижение общего преступного умысла.

Как верно отмечают авторы, «если же действия исполнителя будут выходить за рамки умысла других соучастников, то в данном случае, будет иметь место эксцесс исполнителя и ответственность за эти действия будет нести только исполнитель» [60, с. 112].

«Организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими. Организатор, зачастую, представляет собой наиболее опасную фигуру соучастия, поскольку он руководит действиями соучастников, направляет их, при этом не принимает непосредственного участия в исполнении» [8, с. 52] – указывается в публикациях.

Аналогичные подходы обозначены в работах зарубежных исследователей [68].

Выявить организатора и установить его вину может быть сложнее всего. В современной научной юридической литературе можно встретить точку зрения, согласно которой, общественная опасность организатора серьезным образом превосходит общественную опасность любого другого соучастника.

«Подстрекатель возбуждает у другого лица желание совершить преступление. Подстрекательством является только склонение определенного лица к совершению конкретного преступления» [27, с. 142] – также верно констатируется авторами.

Призыв неопределенного количества лиц к совершению преступной деятельности не квалифицируется как подстрекательство. Данные действия могут образовывать самостоятельный состав преступления, к примеру, публичные призывы к развязыванию агрессивной войны в ст. 354 УК РФ.

В правовой научной доктрине автором К.М. Юсупановым определены различные виды подстрекателей, такие, как: «подстрекатели, которые внушают необходимость совершения преступления, вплоть до применения угроз в сторону исполнителя и т.д.» [63, с. 426].

Однако, данная авторская точка зрения носит, скорее, криминологический характер, определяя категоризацию подстрекателей в зависимости от степени участия в совершении преступления.

Следует заметить, что в науке дискутируется проблема пределов ответственности подстрекателя в ситуациях, когда исполнитель не довёл преступление до конца, к примеру, в следствии добровольного отказа от преступления. Как представляется, ответственность подстрекателя в подобной ситуации должна наступать вне зависимости от доведения противоправного деяния до заранее спланированного результата.

Следующим видом соучастников является пособник. Е.В. Хромов пишет: «пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы» [59].

Казалось бы, пособничество не имеет столь же выраженной составляющей, как подстрекательство или соисполнительство в совершении преступления, однако, действия пособника могут обеспечить достижение преступного результата, помочь исполнителю преступления избежать ответственности и наказания, что ставит задачу привлечения пособников к уголовной ответственности, создавая тем самым препятствие для безнаказанности при данной форме соучастия.

Тем не менее, пособник, чаще всего, представляет собой наименее общественно опасное лицо, чем другие соучастники. Доказуемость осведомленности и умысла пособника, зачастую, является затруднительной, поскольку иногда, остается исключительно в субъективной плоскости. Об этом свидетельствует анализ судебной практики.

Так, по одному из дел относительно роли пособника, который осуществлял скрытое наблюдение за потерпевшим, Верховный Суд Российской Федерации отметил, что: «Вся совокупность имеющихся противоречий и неясностей не даёт возможности чётко установить роль ФИО1

являлся ли он пособником, осведомлён ли он о целях других, зачем следил за пострадавшим, обещал ли скрыть средства мобильной связи и переносную рацию. Само по себе осуществление скрытого наблюдения без указания того, какая именно информация была предоставлена исполнителям убийства по результатам этого наблюдения, и участие ФИО1 совместно с исполнителями преступления в принятии решения о том, что следует приступить к лишению жизни потерпевшего без указания на то, какая при этом была позиция ФИО1, как она отразилась на поддержании решимости исполнителей преступления совершить убийство, без указания на то, что ФИО1 давал какие-то советы и указания исполнителям убийства, не может быть квалифицировано как пособничество в совершении преступления» [1].

Комплекс проблем, связанных с уголовно-правовым инструментарием противодействия организованным формам преступной деятельности, требует обсуждения и корректировки на научном и правоприменительном уровнях, с выработкой возможных рекомендаций по совершенствованию законодательства в этом направлении.

1.2 История возникновения и развития форм соучастия в уголовном праве России

Исследование истории соучастия является очень важным для уяснения сущности данного правового института, поскольку позволяет установить основы изучаемого явления, проследить его трансформацию, выявить, какие незыблемые черты сохранились до сих пор, а какие утратили свою актуальность со временем. Кроме того, тот факт, что законодательное определение института соучастия все чаще подвергается критике, обуславливает необходимость обращения к его истории.

Институт соучастия представляет собой один из древнейших правовых институтов. Отдельные его аспекты сформировались еще в древнем праве.

Так, Русская Правда X-XI веков содержала положение, согласно которому, при совершении имущественного преступления группой лиц, размер возмещаемого ущерба зависел от количества лиц, совершивших преступное деяние. Чем большее количество участников имело место, тем больший размер вреда устанавливался к возмещению. Однако имущественная санкция была одинакова для всех соучастников, не зависимо от роли каждого из них: «если скот, овцы, козы или свиньи, были украдены на поле, платить 60 кун продажи (штрафа в пользу князя), если воров было много, с каждого взыскать по 60 кун» [45].

Дальнейшее закрепление института соучастия в правовых источниках можно наблюдать уже в более поздний период – в Соборном Уложении 1649 года.

Данный нормативный правовой акт закреплял две формы соучастия – скоп и заговор. В свою очередь, скоп представлял собой соучастие без предварительного сговора, а сговор, соответственно, – подразумевал наличие такового. Статья 18 Соборного Уложения закрепляла следующее: «самовольством, скопом и заговором ... кто учнёт ... на кого грабити, или побивати: и тех людей, кто так учинит, за то потому же казните смертию, без всякой пощады» [50].

Ответственность соучастников не дифференцировалась в зависимости от роли каждого в совершении преступления, но были заложены важнейшие основы выделения предварительного сговора в рамках института соучастия.

Как отмечает Е.А. Марченкова, «среди второстепенных соучастников отличали причастных к совершению преступления: подстрекателей, попустителей, доносителей, укрывателей» [26, с. 44].

Артикул Воинский, принятый Петром I в 1715 году, хотя и содержал положения, закрепляющие ответственность за групповые преступления, но не уделял особого внимания разграничению ролей соучастников и дифференциации их ответственности. Согласно данному правовому акту, – все, кто принимал какое-либо участие в воровстве, должен был понести такую

же ответственность, как и непосредственный исполнитель: «онные, которые в воровстве... вспомогали или о воровстве ведали и от того часть получили» (арт. 189); «...ежели кто купит или продаст, ведаючи, краденые вещи, и скроет, содержит при себе вора, онный яко вор сам наказан быть иметь» [5].

Обновлённое отечественное уголовное законодательство, закрепляло уже новые виды соучастников, в отличие от Соборного Уложения 1649 г.

Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных от 1845 года получили развитие и конкретизацию отдельные виды соучастия [56].

Данный нормативный документ содержал несколько статей, посвященных совершению преступления в соучастии.

Как видно, Уложение 1845 года достаточно подробно регламентировало институт соучастия, выделяя различные формы и виды соучастников, многие из которых в процессе трансформации отдельных норм права дошли до наших дней, и нашли закрепление в действующем УК РФ.

По мнению Ж.В. Виденькиной, «особое внимание в правовом акте привлекает такой существующий вид организованной преступности, как шайка» [8, с. 104].

Исследование исторических аспектов показывает нам, что именно дореволюционный этап развития законодательства характеризовался стремительным развитием положений о соучастии.

Институт соучастия прошел путь от простого упоминания возможности совершения преступления группой лиц и усиления ответственности для всех участников до подробной градации форм соучастия и выделения их видов с определением ролей. В более поздних источниках дореволюционного периода закреплялись различные формы организованной преступности.

В статьях 1148 - 1150 Уложения 1845 года закреплялась ответственность за совершение преступления в составе шайек, которые создавались для таких деяний, как: «разбой или зажигательство, делание или привоз фальшивой монеты, фальшивых ассигнаций или иных государственных бумаг; для воровства-кражи или воровства-мошенничества либо для изготовления

фальшивых документов, кроме государственных бумаг; для противозаконного провоза питей или контрабанды и для производства запрещенной торговли, запрещенных игр или для подкупа чиновников» [48, с. 100].

Уголовное уложение 1903 года продолжило развитие и закрепление положений о различных формах организованной преступности. Согласно данному правовому акту, «помимо шайки выделяется преступное сообщество, которое создавалось для совершения тяжких преступлений. Шайкой можно было признать такую группу лиц, которая сорганизовалась для совершения нескольких преступлений независимо от того, оговорены ли были конкретно эти преступления участниками заранее или нет» [8, с. 103].

Исследование исторических аспектов показывает нам, что именно дореволюционный этап законодательства характеризовался стремительным развитием положений о соучастии.

Институт соучастия прошел путь от простого упоминания возможности совершения преступления группой лиц и усиления ответственности для всех участников до подробной градации форм соучастия и выделения их видов с определением ролей. В более поздних источниках дореволюционного периода закреплялись различные формы организованной преступности.

Следующим этапом развития законодательства о соучастии можно назвать период после Октябрьской революции 1917 года, когда на смену Российской империи пришло новое государство.

Все прежнее законодательство было упразднено вместе с системой многих государственных органов. На смену старому законодательству необходимо было в короткие сроки сформировать новое, целью которого была борьба с контрреволюцией и защита нового государственного строя, а также охрана новой государственной идеологии. Огромный массив законодательных актов, которые издавались в короткий промежуток времени, отличались не проработанностью, бессистемностью, что негативным образом сказывалось на качестве правовых норм и тормозило развитие многих правовых институтов.

Отдельным вопросам соучастия были посвящены положения Декретов Советской власти. Декрет «О суде» 1918 года впервые упоминалось понятие «бандитизм» [12].

Исследователями истории института соучастия отмечается, что Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года стали «первой попыткой систематизации законодательства после революции 1917 года. За деяния, совершаемые сообща, наказанию подлежали как исполнители, так и подстрекатели и пособники. Мера наказания определялась не степенью участия, а степенью опасности преступника и его деяния для общества» [26, с. 46].

Ст. 21 Руководящих начал содержала следующее положение в отношении института соучастия, - «за деяния, совершенные сообща группой лиц (шайкой, бандой, толпой), наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники. Меры наказания устанавливаются не степенью участия, а степенью опасности преступника и совершенного им деяния» [38].

Как видно, в регламентации соучастия был сделан шаг назад. Руководящие начала 1919 года содержали не корректную регламентацию института соучастия. Определение, закрепленное статьей 25, не выделяло такого вида соучастника, как организатор, хотя в Уложении 1845 года упоминался зачинщик.

Ст. 25 не предусматривала простого соисполнительства, а отмечала, что соучастие совершается только в форме организованной преступности – бандой, шайкой или толпой. Таким образом, создавалась неопределенность того, как должно квалифицироваться преступление, если оно было совершено двумя лицами. Не было в данном источнике и градации уголовной ответственности, основанной на степени участия каждого соучастника. Ответственность устанавливалась, исходя из общественной опасности деяния и преступника.

УК РСФСР 1922 года содержал несколько статей, упоминающих о возможности совершения преступления в соучастии и ответственности

соучастников. Однако отдельной главы, посвященной понятию и признакам соучастия, правовой акт не включал, хотя статья 15 закрепляла виды соучастников: исполнители, подстрекатели и пособники. Ответственность каждого определялась исходя из степени участия и общественной опасности совершенного деяния [37].

В ст. 16 данного документа указывается, что исполнителями считаются те, кто принимает непосредственное участие в выполнении преступного действия, в чем бы оно ни заключалось. Подстрекателями считаются лица, склонившие к совершению преступления. Пособниками считаются те, кто содействует выполнению преступления советами, указаниями, устранением препятствий, сокрытием преступника или следов преступления [37].

Обращает на себя внимание тот факт, - что понятие пособника более подробное, чем подстрекателя. Законодатель не дает пояснение последнему, - в чем заключается содействие в совершении преступного деяния.

В рассматриваемом нормативном акте есть еще несколько положений, относящихся к институту соучастия. Ст. 75 УК РСФСР закрепляет уголовную ответственность организаторов и руководителей массовых беспорядков. «статья 76 предусматривает ответственность за организацию преступного сообщества – «банды» («вооруженной шайки»). Однако, в статьях 15 и 16 организатор, как вид соучастников, не упоминается» [26, с. 47].

На основании положений статьи 76 УК РСФСР можно сделать вывод, - данный нормативный акт выделяет две формы преступного сообщества: вооруженное (банда) и невооруженное (шайка).

Следующим нормативно-правовым актом, который внес существенный вклад в становление института соучастия, является Основы уголовного законодательства СССР 1958 года [14].

Закон впервые официально закрепляет фигуру организатора, как соучастника, дает определение понятию соучастия, содержит указание на необходимость учета судом степени участия каждого из соучастников в совершении преступления. Соучастие по данному правовому акту – это

умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления. Следует отметить, что современное определение института соучастия сохраняет конструкцию и содержание норм Основ уголовного законодательства СССР 1958 года.

УК РСФСР 1960 года значительным образом расширяет список форм соучастия, в него вошли: «заговор, антисоветская организация, банда, преступная группировка, незаконное вооруженное формирование, организованная группа, группа по предварительному сговору» [55].

1.3 Система форм соучастия в современном уголовном праве России и их общая характеристика

Приступая к исследованию современных форм соучастия, прежде всего, представляется целесообразным определить, что следует понимать под формой.

В современной научной доктрине под формой понимается «внешнее выражение чего-либо, какого-то явления, которое составляет содержание этой формы. Форма всегда отражает внутреннюю организацию содержания» [8, с. 116].

Другой автор определяет форму «как способ закрепления его содержания, который неотделим от этого содержания и служит его внешним выражением» [51, с. 102].

Форма соучастия в науке определяется, как «способ объединения усилий участников преступления», как «отражение структуры связи между деяниями субъективно связанных лиц, а также степень соорганизованности деяний» [6, с. 18].

Наиболее уместным представляется определение формы соучастия как «внешнее проявление преступной деятельности субъектов, согласованно действующих с целью достижения преступного результата через совершение единого преступления» [18, с. 157].

В этом контексте для классификации форм соучастия следует основываться на таких критериях, как: «характер выполнения соучастниками объективной стороны преступления и степень согласованности действий соучастников» [21, с. 332].

В современной науке выделяют различные классификации форм соучастия. Ряд ученых за основу предлагают брать «статью 35 УК РФ, которая закрепляет такие формы, как: группа лиц без предварительного сговора, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество» [51, с. 103].

Другие авторы выделяют «такие формы соучастия, как простое (соисполнительство) и сложное соучастие (с распределением ролей). Думается, что такая классификация вполне корректна и не противоречит законодательной градации форм соучастия» [8, с. 106].

Согласно другой предложенной классификации, «выделяют следующие формы соучастия, как: соучастие в собственном смысле этого слова (сложное соучастие), образующее институт Общей части уголовного права; соисполнительство; соучастие особого рода, при котором ответственность соучастников прямо предусмотрена в статьях Особенной части» [32, с. 103].

Таким образом, наиболее правильной классификацией форм соучастия представляется законодательная градация, указанная в ст. 35 УК РФ либо деление его на простое и сложное.

Проанализируем формы соучастия, указанные в ст. 35 УК РФ.

Как пишут исследователи, «данная норма определяет особенности совершения преступлений группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией)» [59].

«Преступления, совершаемые группой лиц, отличаются тем, что они совершаются несколькими исполнителями. В данной форме соучастия нет иных видов соучастников, поэтому в современной науке отмечается

однородный характер участников данной формы соучастия» [20, с. 137] – указывается в комментариях к действующему УК РФ.

Подобным образом рассматриваемый вопрос характеризуют зарубежные авторы [69].

Закон выделяет совершение преступления группой по предварительному сговору и без такового.

Относительно того, какой именно сговор следует считать предварительным при определении такой формы соучастия, как группа лиц по предварительному сговору, в современной науке ведутся споры. Авторы отмечают, что «предварительным сговором считает такой сговор, который состоялся до момента начала выполнения соучастниками объективной стороны преступления, то есть до момента начала выполнения соучастниками объективной стороны преступления, следовательно, до стадии покушения на преступление» [60, с. 109].

Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 101-П20 говорит о том, что «при квалификации действий виновных как совершение хищения чужого имущества группой лиц по предварительному сговору суду следует выяснять, имел ли место такой сговор соучастников до начала действий, непосредственно направленных на хищение чужого имущества, состоялась ли договоренность о распределении ролей в целях осуществления преступного умысла, а также, какие конкретно действия совершены каждым исполнителем и другими соучастниками преступления» [43].

В целом, границы между группой лиц и группой лиц по предварительному сговору достаточно размыты и формальны, зачастую, находятся в субъективной плоскости и характеризуются оценочностью.

Аналогичное мнение можно увидеть в работах зарубежных специалистов [67].

В проанализированных приговорах суда, предварительный сговор, как правило, выражается в получении согласия одного лица на предложение другого совершить преступление. К примеру, по одному из дел подсудимый

предложил своему знакомому совершить кражу денежных средств из жилого помещения и получил согласие [3].

Согласно материалам другого дела, преступный сговор заключался в предложении одного лица похитить денежные средства из кассы и получении согласия на это. Затем, данные субъекты распределили свои роли в совершении преступления: «в обязанности ФИО7 входило изучение обстановки в помещении офиса ООО МКК «Прайм Займ» с целью установления в нем наличия камер видеонаблюдения, а также сотрудников службы охраны, а в обязанности ФИО5, входило наблюдение за окружающей обстановкой, с целью предупреждения ФИО7 о возможном обнаружении их преступных действий третьими лицами, а также приискание и изъятие денежных средств» [35].

Таким образом, можно сделать вывод, что распределение ролей возможно и в соисполнительстве.

«Серьезную общественную опасность несут преступления, совершаемые организованной группой, поскольку такая группа представляет собой устойчивую организацию, целью существования которой является совершение преступлений» [62, с. 562] – пишет К.Е. Штепа.

Законодатель говорит о том, что «преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений» (ч. 3 ст. 35 УК РФ).

Таким образом, из данной нормы видно, что отличительными особенностями данной формы соучастия является «устойчивость группы лиц, а также наличие факта того, что объединение соучастников произошло заранее и целью данного объединения является – совершение преступления» [20 с. 57].

В рамках современной правовой доктрины предлагаются различные формулировки понятия организованной группы, одна из которых звучит так: «двое и более лиц, заранее согласовавших на совершение, как правило, множества преступлений» [62, с. 562].

Часть 4 статьи 35 УК РФ определяет такую форму соучастия, как преступное сообщество.

Как видно из нормы закона, «если организованная группа имеет определенную структуру с распределением ролей каждого участника, или несколько таких групп объединены и имеют единый руководящий орган, совершают тяжкие либо особо тяжкие преступления для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, то в данном случае имеет место преступное сообщество» [58, с. 54].

Преступные сообщества представляют собой особо опасный криминальный элемент современного мира, поскольку в их структуру, как правило, включены должностные лица, иногда – сотрудники правоохранительных органов. Все это затрудняет раскрываемость таких преступлений. В ряде случаев, к ответственности привлекаются исполнители, а организаторы и пособники остаются незамеченными.

Можно назвать следующие аспекты опасности организованной преступности:

- захват небольшой группой материальных благ, которые должны принадлежать обществу;
- процветание концепции насилия, коррупции и жестокости;
- влияние на различные сферы общественных отношений (в сфере экономики и финансов, управления);
- включение в преступную деятельность большого круга лиц;
- порождение новых видов противоправного обогащения;
- обладание значительными финансовыми и экономическими возможностями, не контролируемые ни государством, ни обществом;
- наличие коррупционных связей с государственной и муниципальной властью для облегчения преступного посягательства и сокрытия следов преступления.

Важнейшее значение в правовом регулировании уголовной ответственности преступного сообщества имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [41].

Данное Постановление закрепляет, что «организованная преступность в ее различных проявлениях посягает на общественную безопасность, жизнь и здоровье граждан, собственность, нарушает нормальное функционирование государственных, коммерческих и иных организаций и общественных объединений» [41].

Важным моментом, закрепленным в Постановлении Пленума ВС РФ, является указание на то, что «у преступной организации обязательно должен быть руководитель и его умысел должен совпадать с умыслом остальных членов сообщества относительно их объединения для совершения тяжких и особо тяжких преступлений и извлечения из этого материальной выгоды» [41].

«Под руководством преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями следует понимать осуществление организационных и (или) управленческих функций в отношении преступного сообщества (преступной организации), его (ее) структурных подразделений, а также отдельных его (ее) участников как при совершении конкретных преступлений, так и при обеспечении деятельности преступного сообщества (преступной организации)», – пишет Д.О. Данилов [11, с. 3].

Со всей очевидностью можно констатировать, что имеют место многочисленные ошибки правоприменения, допускаемые как на этапе квалификации организованных форм преступной деятельности в рамках возбуждения уголовного дела, так и при разрешении соответствующих уголовных дел судом. Вероятно, это связано с противоречивым судебным толкованием, что обусловлено различиями в подходах к правоприменению.

На основании проведенного исследования в рамках первой главы диссертации, мы можем сделать выводы.

Несмотря на наличие законодательного определения соучастия, в современной правовой доктрине имеет место достаточно большое количество различных определений данного института. Каждый автор определяет соучастие, выделяя наиболее важные на его взгляд признаки.

Исследование истории соучастия является очень важным для уяснения сущности данного правового института, поскольку позволяет установить основы изучаемого явления, проследить его трансформацию, выявить, какие незыблемые черты сохранились до сих пор, а какие утратили свою актуальность со временем.

Институт соучастия прошел путь от простого упоминания возможности совершения преступления группой лиц и усиления ответственности для всех участников до подробной градации форм соучастия и выделения их видов с определением ролей. В более поздних источниках дореволюционного периода закреплялись различные формы организованной преступности.

Одним из самых интересных периодов развития уголовно-правовых норм о соучастии можно считать советский период после Октябрьской революции 1917 года, когда на смену Российской империи пришло новое государство.

Все прежнее законодательство было упразднено вместе с системой многих государственных органов. На смену старому законодательству необходимо было в короткие сроки сформировать новое, целью которого была борьба с контрреволюцией и защита нового государственного строя, а также охрана новой государственной идеологии.

Огромный массив законодательных актов, которые издавались в короткий промежуток времени, отличались не проработанностью, бессистемностью, что негативным образом сказывалось на качестве правовых норм и тормозило развитие многих правовых институтов.

Ответственность соучастников длительное время не дифференцировалась в зависимости от роли каждого в совершении преступления, но были заложены важнейшие основы выделения предварительного сговора в рамках института соучастия.

Соответствующая уголовно-правовая основа противодействия организованной преступности заложена как в нормах Общей части УК РФ, в рамках регламентации соучастия в преступлении (глава 7 УК РФ), так и в нормах Особенной части, применительно к отдельным составам преступлений, касающимся организованной преступности – например, ст. 210 УК РФ. Именно данная уголовно-правовая норма стала ключевой в формировании эффективной практики противодействия созданию преступных сообществ (преступных организаций) и участию в таковых.

К формам соучастия законодатель обоснованно относит: группу лиц, группу лиц по предварительному сговору, организованную группу и преступное сообщество.

Преступные сообщества представляют собой особо опасный криминальный элемент современного мира, поскольку в их структуру, как правило, включены должностные лица, иногда – сотрудники правоохранительных органов.

Все это затрудняет раскрываемость таких преступлений. В ряде случаев, к ответственности привлекаются исполнители, а организаторы и пособники остаются незамеченными.

Комплекс проблем, связанных с уголовно-правовым инструментарием противодействия организованным формам преступной деятельности, требует обсуждения и корректировки на научном и правоприменительном уровнях, с выработкой возможных рекомендаций по совершенствованию законодательства в этом направлении.

Глава 2 Преступное сообщество (преступная организация) как форма соучастия

2.1 Понятие и признаки преступного сообщества (организации)

Выделение и чёткое определение понятия и признаков преступного сообщества является важным аспектом, учитывая определённую нехватку фундаментальных научных исследований в соответствующем аспекте.

Такое уяснение является залогом поступательной оптимизации не только действующих нормативных установлений, но и основой для определения путей совершенствования концепции уголовной политики противодействия наиболее развитым формам совместной преступной деятельности.

Это тем более важно, учитывая то, что в стране происходит своего рода «сращивание» отдельных преступных группировок в более крупные преступные организации.

Понятие такой формы соучастия, как преступное сообщество, закреплено в УК РФ. Согласно положению данной нормы «преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой, или иной материальной выгоды» [59].

Для верного понимания сущности преступного сообщества, необходимо обратиться к определению понятия организованная группа, под которой авторы, основывая свою позицию на уголовном законе, понимают «устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений» [59].

Отличительными особенностями данной формы соучастия является «устойчивость группы лиц, а также наличие факта того, что объединение соучастников произошло заранее и целью данного объединения является – совершение преступления» [20, с. 138].

Их следует учитывать, характеризуя преступное сообщество, поскольку наряду с признаками, присущими только преступному сообществу, ему характерны также признаки организованной группы.

На основании приведенных определений, можно сделать вывод о том, что закон называет следующие признаки преступного сообщества:

- «устойчивость,
- структурированность,
- наличие руководства,
- наличие общей цели,
- совершения тяжких или особо тяжких преступлений или извлечение материальной выгоды» [60, с. 112].

Подобный подход к определению признаков также присутствует в работах зарубежных исследователей [65].

Признак устойчивости подразумевает то, что группа существует и действует определенный период времени. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое», при определении признака устойчивости необходимо учитывать такие признаки, как:

- «промежуток времени, который существует группа;
- повторные случаи совершения преступлений;
- техническую оснащенность преступной группы;
- особенности подготовки к совершению преступлений» [42].

Суды признак устойчивости устанавливают на основании различных обстоятельств. Так, по одному из дел суд относительно признака устойчивости преступного сообщества указал на такие признаки наличие конспирации среди участников группы, координация действий по телефону, предварительная

договоренность о совершении преступлений, а также длительный период существования группы [2].

Следующий признак – структурированность определяется в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [40] с учетом таких обстоятельств, как:

- наличие подразделений;
- ментами группы для достижения общей преступной цели;
- распределение функций и ролей между участниками группы;
- наличие специализированных навыков и знаний у участников группы, которые используются ими для достижения преступных целей и т.д.

Думается, что важнейшим из указанных признаков, при определении структурированности важнейшее значение имеет наличие подразделений. Другие перечисленные признаки, как представляется, являются дополнительными элементами структурированности.

Под структурным подразделением преступного сообщества (преступной организации) Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» предлагает понимать «функционально и (или) территориально обособленную группу, состоящую из двух или более лиц (включая руководителя этой группы), которая в рамках и в соответствии с целями преступного сообщества (преступной организации) осуществляет преступную деятельность» [40].

Авторы выделяют и другой признак: «это объединение нескольких организованных групп, которые имеют общее руководство и объединяют свои усилия для совершения одного или нескольких тяжких, или особо тяжких преступлений» [36, с. 43].

Еще одним обязательным признаком преступного сообщества является наличие руководства. Под руководством преступным сообществом (преступной организацией) высшая судебная инстанция предлагает понимать «осуществление организационных и (или) управленческих функций в отношении преступного сообщества (преступной организации), его (ее) структурных подразделений, а также отдельных его (ее) участников как при совершении конкретных преступлений, так и при обеспечении деятельности преступного сообщества (преступной организации)» [40].

Кроме того, Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 12 также закрепляет, что руководство преступным сообществом может выражаться в следующих действиях:

- определении преступных целей деятельности группы;
- формирование планов деятельности преступной организации;
- организация подготовки к совершению преступлений;
- иные способы обеспечения и координации деятельности участников группы (распределение функций, материально-техническое обеспечение, разработка способов сокрытия следов преступной деятельности).

Руководитель преступного сообщества также принимает решения и дает указания участникам организации, распределяет доходы между ними, решает вопросы принятия новых участников. Руководителей преступной организации может быть несколько.

Следующим признаком преступного сообщества, определенным уголовным законом, является наличие определенной цели существования и деятельности данной группы. Данная цель нормативно определена непосредственно в диспозиции статьи.

То, что преступное сообщество совершает тяжкие и особо тяжкие преступления говорит об особой опасности данного вида соучастия.

Так, «основным критерием, определяющим категорию преступления, является максимальное наказание, указанное в санкции статьи особенной

части уголовного закона. Это наказание исчисляется в годах лишения свободы, то есть для определения категории преступления необходимо учитывать максимальный срок лишения свободы, указанный в конкретной статье особенной части уголовного кодекса» [53, с. 155].

Так, тяжкие преступления посягают на самые важные общественные ценности: безопасность, жизнь и здоровье, суверенитет государства и другие, что говорит об особой степени их общественной опасности.

Следующим законодательно определенным признаком преступного сообщества закон называет наличие такой цели совершения преступлений, как получение финансовой или иной материальной выгоды. Материальная выгода может выражаться в получении каких-либо имущественных выгод и материальных благ.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 12 относительно данной цели указывает, что получение материальной выгоды может осуществляться прямо и косвенно.

В случае прямого получения выгоды имеет место непосредственное получение материальных благ – денег, имущества, ценных бумаг. Косвенное получение заключается в том, что материальные блага и имущественная выгода получают не прямо после совершения преступления, а в будущем, либо выгода получается другими лицами, а не непосредственно участниками сообщества.

В научной доктрине также развивается данная точка зрения. Авторы отмечают, что в случае прямого получения материальной выгоды, это происходит посредством совершения преступления. В случае, когда имеет место косвенное извлечение выгоды, то материальные блага получают лица, которые не принимали участия в совершении преступления [22, с. 841].

Относительно косвенного получения выгоды можно отметить, что данное обстоятельство может быть очень сложно доказуемо, но имеет важное значение в установлении признаков преступного сообщества.

Н.О. Бычкова определяет преступное сообщество, как «наиболее последовательную и опасную форму соучастия, характеризующуюся высокой степенью организации действий сообщников и большим количеством субъективных связей между ними» [7, с. 76].

Данное определение подчеркивает такую важную характеристику преступной организации, как наибольшая степень опасности, которая возможна для соучастия.

Автор А.А. Саетгареева определяет преступное сообщество, как «организацию, созданную для совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений» [46, с. 52].

В данном определении, как и в предыдущем, не указаны такие важнейшие признаки преступной организации, как наличие руководства, устойчивость, структурированность. Цель деятельности также указана не полностью, опускается извлечение материальной выгоды.

В современных научных изданиях также встречается определение преступного сообщества как «группы из двух и более лиц, структурно организованных для занятий преступной деятельностью (совершением тяжких и наиболее тяжких преступлений). Отличительным признаком сообщества является сплоченность» [31, с. 35].

Относительно данного определения можно отметить, что его положительным моментом является указание признака сплоченности преступной организации. Однако автор упускает из виду наличие руководства и цели извлечения материальной выгоды, что является определённым авторским упущением.

В.Н. Лебедев определяет преступное сообщество, как «объединение организованных групп, которое должно состоять из двух или более организованных групп и характеризоваться устойчивостью» [24, с. 150].

Данное определение недостаточно корректно определяет исследуемую форму соучастия. Упускаются из виду важнейшие признаки преступной организации – наличие руководства, цель деятельности.

Современными исследователями при определении такой формы соучастия, как преступное сообщество, выделяются такие признаки, как:

- «определенный круг участников;
- четкое планирование преступных действий;
- распределение функций между участниками сообщества» [51, с. 103].

Ряд авторов выступают против выделения такого признака преступного сообщества, как цель совершения тяжких и особо тяжких преступлений, отмечая, что это «превращает ст. 210 УК РФ в «неработающую», поскольку реальные процессы организации не связаны с подобным целеполаганием. Направленность преступного сообщества на совершение тяжких и особо тяжких преступлений фактически исключает возможность уголовно-правовой борьбы с преступными сообществами на стадии совершения ими преступлений небольшой или средней тяжести и предупреждения таких деяний» [30, с. 77].

С данным мнением стоит согласиться, поскольку, думается, что категория тяжести совершаемых преступлений, не должна иметь значение для квалификации данной формы соучастия.

Еще одним признаком преступного сообщества, выделяемым в современной доктрине, является профессионализм его участников. Отмечается, что «для членов преступного сообщества (преступной организации) постоянное совершение преступления становится их профессией, основным способом получения преступных доходов, их образом жизни и мышления. Именно профессионализм членов преступного сообщества (преступной организации), проявляющийся в постоянном совершении все новых и новых преступлений, в постоянном совершенствовании способов их совершения, является одним из важных, но не единственным признаком преступного сообщества (преступной организации» [22, с. 843].

Выделение признака профессионализма представляется допустимым. Установить данный признак можно в случае, если преступная деятельность является единственным источником доходов для его участников. Однако члены преступного сообщества вполне могут заниматься иной профессиональной деятельностью, совмещая ее с преступной.

Другим отличительным признаком преступного сообщества В.Н. Лебедев называет «наличие собственной антиобщественной идеологии, обуславливающей преступную деятельность» [24, с. 153], с которым целесообразно не согласиться, поскольку наличие идеологий не может быть обязательным фактором, и преступные деяния могут осуществляться и без идеологии, что характерно так же для организованной группы.

Отдельные исследователи указывают также на признак сплоченности. На него в ряде случаев также указывается судами. Так, по одному из дел суд указал, такие признаки сплоченности, как «организованность, устойчивость, подчиненность, распределение преступных доходов, наличие руководства структурных подразделений» [43].

2.2 Соотношение понятий «преступное сообщество» и «преступная организация»

Одним из наиболее спорных вопросов, связанных с исследуемой темой, является вопрос о соотношении понятий «преступное сообщество» и «преступная организация», используемые в настоящий момент в уголовном законодательстве в качестве синонимичных категорий. Но данный подход активно критикуется специалистами.

Так, Д.Е. Еременко, А.А. Захарова, Д.Н. Носова определяют преступную организацию, как «симбиоз организованных преступных групп, коммерческих организаций, учреждений и предприятий с криминальными структурами в целях получения криминальных доходов», а преступное сообщество как «криминальное объединение организаторов, а также лидеров преступной

среды, создаваемое для координации и упорядочения преступной деятельности» [13, с. 509].

Сторонники разграничения обозначенных понятий обосновывают это тем, что логическое значение терминов «сообщество» и «организация» различно. Данные авторы обосновывают свою точку зрения тем, что в словаре С.И. Ожегова сообщество, в общем виде, определяется, как объединение кого-либо или чего-либо, основанное на общих интересах и целях. с общими интересами и целями.

Организация же, по мнению данных авторов, подразумевает не объединение, а организованность, то есть продуманное устройство чего-либо, наделенное внутренней дисциплиной [33, с. 51].

Данный подход созвучен отдельным зарубежным исследованиям [66].

Тем не менее, можно констатировать, что Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 29 говорит о том, что понятия «преступное сообщество» и «преступная организация» являются идентичными, их следует рассматривать именно с этой позиции [42].

Кроме того, Постановление Пленума ВС РФ указывает на то, что руководство может осуществляться несколькими руководителями, соответственно, каждый из которых будет нести уголовную ответственность за руководство преступным сообществом по ст. 210 УК РФ, наряду с уголовной ответственностью за преступления, совершаемые данной группой.

В этой связи пишут: «При таком положении вещей нет необходимости выделять преступное сообщество как форму соучастия руководителей преступной организации. Такое разграничение «преступной организации» и «преступного сообщества» представляется излишним, затрудняющим правовую квалификацию» [19, с. 113].

Авторы, которые выступают в качестве сторонников позиции разграничения понятий «преступное сообщество» и «преступная организация», приводят следующие доводы, подтверждающие самостоятельность данных понятий:

- «преступная организация подразумевает объединение структурных элементов или организованных групп, а преступное сообщество является объединением организаторов или руководителей преступных организаций, то есть в его состав входят наиболее значимые, руководящие элементы данных организаций;
- в преступной организации функции ее членов ограничиваются созданием организации, руководством, иными формами обеспечения создания и функционирования преступной организации и непосредственному совершению преступных деяний. Преступное сообщество же можно назвать неким координатором» [13, с. 509].

В.Н. Лебедев, обосновывая необходимость разграничения понятий преступного сообщества и преступной организации, основное отличие видит в том, что «преступное сообщество представляет собой тандем руководителей преступных организаций, которые обеспечивают и координируют деятельность данных организаций. А преступная организация выступает, как объединение иных участников, не наделенными функциями руководства» [24, с. 153].

Н.А. Наджаф и А.В. Шульга придерживаются похожей позиции и называют «ошибочным отождествление понятий преступного сообщества и преступной организации, поскольку преступное сообщество представляет собой объединение руководящих элементов преступных организаций, которые занимаются координацией деятельности данных организаций» [30, с. 76].

А.А. Саетгареева также выступает в качестве противника отождествления исследуемых понятий. Автор отмечает, что преступное сообщество – это форма соучастия, в рамках которого имеет место объединение структурных элементов, действующих отдельно, но подчиненных единому руководству, «преступная организация же представляет собой форму соучастия, которая состоит в объединении

преступных элементов с высокой степенью организованности и сплоченности» [46, с. 53].

Ряд исследователей рассматривают понятия преступного сообщества и преступной организации, как схожие по смыслу понятия, но соотносятся между собой, как общее и частное.

Так, Е.Я. Лухнева утверждает, что: «преступному сообществу отводится координирующая и руководящая роль в деятельности преступных организаций, которые непосредственно совершают преступления. В преступное сообщество входят руководители преступных организаций и их высшие лица» [25, с. 26].

Интересной представляется точка зрения М.Г. Козловской, согласно которой употребление термина преступное сообщество уместно в том случае, когда идет речь о политической направленности преступной деятельности данной организации, материальная заинтересованность в данном случае, выступает на второй план.

В своей работе автор пишет, что «преступное сообщество преследует достижение политических целей, а именно, обладание властью, инфильтрации во власть, подрыва власти, ее захвата и удержания» [19, с. 109].

Думается, что такое определение более характерно для экстремистского сообщества и выделение двух видов преступных сообществ, которые преследуют политические цели, некорректно и только усложняет их понимание.

Авторы, которые придерживаются точки зрения, согласно которой «необходимо рассматривать понятия преступного сообщества и преступной организации как идентичные, ссылаются на их сходное этимологическое значение. Организация при этом, подразумевает объединение конкретных лиц либо групп, имеющих общую цель» [31, с. 36].

Подобная точка зрения встречается и в публикациях зарубежных исследователей [67].

Сообщество также представляет собой объединение лиц, связанных общими интересами. Данная позиция представляется нам наиболее правильной и обоснованной. Мы поддерживаем точку зрения об идентичности понятий «организация» и «сообщество».

Современные исследователи обосновывают некорректность употребления двойного термина в ч. 4 ст. 35 УК РФ. Они указывают, что это усложняет применение данной нормы, вносит неопределенность, отмечают, что «правовые нормы должны соответствовать критериям краткости и емкости при этом всесторонне регулировать явление, в связи, с чем двойное наименование указанных правовых единиц является нагромождением и вызывает замешательство» [62, с. 562].

Соответственно, на основании сказанного было бы логичнее исключить из законодательства понятие «преступное сообщество», т.к. понятие «преступная организация» является более приемлемым в данном случае и отвечает критериям, указанным в п. 4 ст. 35 УК РФ (структурированность и наличие единого руководства)

Такая точка зрения представляется достаточно оправданной, поскольку уголовный закон должен стремиться к точности терминов. Если преступная организация и преступное сообщество являются тождественными явлениями по задумке законодателя, то достаточно употребление в УК РФ одного из них.

В современной правовой науке встречаются различные позиции относительно соотношения понятий преступное сообщество и преступная организация:

- «обосновывается необходимость замещения данных понятий термином «организованное преступное формирование»»;
- «обосновывается необходимость замещения понятий преступного сообщества и преступной организации единым термином «преступная организованная группировка»;

- «обосновывается необходимость упразднения понятия «преступное сообщество» и употребление только понятия «преступная организация» [16, с. 20].

Данная точка зрения представляется достаточно оправданной, поскольку уголовный закон должен стремиться к точности терминов.

Как уже было отмечено ранее, комплекс проблем, связанных с уголовно-правовым инструментарием противодействия организованным формам преступной деятельности, требует обсуждения и корректировки на научном и правоприменительном уровнях, с выработкой возможных рекомендаций по совершенствованию законодательства в этом направлении.

Необходимо отметить, что такое положение вещей, когда уголовный закон определяет одно и то же явление с помощью двух терминов создает путаницу и неопределенность. Такое дублирование терминов делает затруднительным понимание и разграничение форм соучастия.

Таким образом, с данным предложением следует согласиться только отчасти. Определение одной формы соучастия с помощью двух понятий затрудняет практическую реализацию соответствующей правовой нормы и создает предпосылки для многочисленных споров относительно тождества данных понятий. В этом смысле, целесообразным представляется оставить только одно понятие – преступное сообщество.

2.3 Уголовная характеристика преступного сообщества в действующем уголовном законодательстве

В уголовном законодательстве РФ преступному сообществу посвящено несколько статей, которые характеризуют данную категорию. Статья 33 УК РФ закрепляет виды соучастников, упоминает преступное сообщество, как результат деятельности организатора преступления. В рамках данной статьи указывается, что организатором преступления является лицо, создавшее преступное сообщество, либо руководившее им.

Следующая статья 35 УК РФ закрепляет формы соучастия, располагая их по степени общественной опасности от наименее опасной к наиболее опасной. Самой опасной формой соучастия является преступное сообщество. Под таковым понимают структурированную организованную группу или объединение организованных групп, «действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения преступлений» [39].

Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 12 также называет преступное сообщество наиболее опасной формой соучастия. В нем указывается, что «преступное сообщество (преступная организация) отличается от иных видов преступных групп, в том числе от организованной группы, более сложной внутренней структурой, наличием цели совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, а также возможностью объединения двух или более организованных групп с той же целью» [41].

В современной правовой литературе также подчеркивается особая опасность данной формы соучастия.

Авторы указывают, что «совершение преступлений преступной организацией не закрепляется в УК РФ в качестве квалифицирующего признака для конкретных составов преступлений. А создание преступного сообщества представлено, как самостоятельное преступление, закрепленное ст. 210 УК РФ» [53, с. 87].

Это говорит о необходимости рассматривать каждое преступление, совершенное в рамках данной формы соучастия, индивидуально. Относительно данной точки зрения, необходимо обратить внимание на то, что совершение преступления в составе преступного сообщества выступает квалифицирующим обстоятельством в рамках ст. 63 УК РФ.

Действующий уголовный закон устанавливает основы уголовной ответственности участников преступного сообщества (ч. 5 ст. 35 УК РФ).

Как отмечается авторами, «совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией) влечет более строгое наказание на основании и в пределах, предусмотренных УК РФ» [47, с. 105].

Законодатель «закрепляет уголовную ответственность за создание террористического сообщества и участие в нем. Террористическое сообщество представляет собой особый вид преступного сообщества, которое создается и действует для осуществления террористической деятельности или совершения особого перечня преступлений, обозначенных УК РФ» [49, с. 176].

В ч. 1 ст. 210 УК РФ закрепляет ответственность за создание преступного сообщества и осуществление руководства им.

В Постановлении Пленума ВС РФ № 12 обращается внимание, что уголовная ответственность за указанное деяние наступает «только в том случае, если на собрании обсуждались преступные планы, организационные вопросы, касающиеся совершения преступлений, предусмотренных УК РФ» [41].

В ч. 2 ст. 210 УК РФ устанавливает ответственность за участие в преступном сообществе. Под участием в преступном сообществе (преступной организации) следует понимать: «вхождение в состав сообщества (организации), а также разработку планов по подготовке к совершению одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений и (или) непосредственное совершение указанных преступлений либо выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (финансирование, снабжение информацией, ведение документации и т.п.)» [41].

За организацию, руководство и участие в преступном сообществе лицом с использованием своего служебного положения, предусмотрено более строгое наказание, поскольку подобные деяния обладают более высокой степенью общественной опасности и наносят вред не только общественным

отношениям в сфере общественной безопасности, но общественным отношениям в сфере безопасности государства.

Кроме того, масштабы вреда, причиняемого преступным сообществом, в котором задействованы должностные лица, могут достигать невероятных масштабов, что говорит о высокой общественной опасности совершаемого подобным образом деяния. Установить же такое должностное лицо на практике может быть очень затруднительно в виду его положения и особых полномочий.

Примечания к ст. 210 УК РФ содержат положения, посвященные основаниям освобождения от уголовной ответственности.

Необходимо отметить, что «привлечение к уголовной ответственности всех без исключения лиц, совершивших преступление, не всегда оправданно и зачастую не отвечает задачам и целям уголовной ответственности. Зачастую более приемлемо для исправления субъекта преступления являются его действия, направленные на предотвращение готовящегося преступления» [59].

Неэффективность и иррациональность практики отказа государства от сотрудничества с преступником были установлены и доказаны историей уголовного законодательства.

Думается, что существование возможности освобождения от уголовной ответственности в рамках указанной нормы является достаточно оправданным шагом, учитывая масштабы последствий, которые могут быть причинены преступным сообществом и сложностью выявления таких видов преступлений. На основании этого государство должно использовать любые возможности, так или иначе направленные на борьбу с организованной преступностью.

Для освобождения от уголовной ответственности по ч. 2 указанного приложения, необходимо, чтобы было выполнено несколько условий:

- «лицо перестало быть участником преступного сообщества;

- сообщило о готовящемся собрании соответствующих преступных элементов, перечисленных в приложении;
- оказало активное содействие в раскрытии или пресечении деятельности преступного сообщества (преступной организации);
- преступление, совершенное данным лицом должно было состоять только в руководстве, создании либо участии в преступном сообществе, при совершении им преступлений, выходящих за рамки ст. 210 УК РФ, оно не может быть освобождено от уголовной ответственности» [59].

Подводя итоги исследования в рамках второй главы, следует сделать соответствующие выводы.

Понятие и признаки преступного сообщества определены законом. Однако в современной доктрине предлагаются иные варианты определения данной формы соучастия, а также выделяются дополнительные признаки, не закрепленные законом: сплоченность, профессионализм участников, ограниченный круг участников, максимально точное планирование действий.

Думается, что важнейшим из указанных признаков, при определении структурированности важнейшее значение имеет наличие подразделений. Другие перечисленные признаки, как представляется, являются дополнительными элементами структурированности.

Суды признак устойчивости устанавливают на основании различных обстоятельств. Так, по одному из дел суд относительно признака устойчивости преступного сообщества указал на такие признаки наличие конспирации среди участников группы, координация действий по телефону, предварительная договоренность о совершении преступлений, а также длительный период существования группы.

Руководитель преступного сообщества также принимает решения и дает указания участникам организации, распределяет доходы между ними, решает вопросы принятия новых участников. Руководителей преступной организации может быть несколько.

Следует указать на спорное отношение научной мысли к отождествлению понятий преступного сообщества и преступной организации. Сообщество также представляет собой объединение лиц, связанных общими интересами. Данная позиция представляется нам наиболее правильной и обоснованной. Мы поддерживаем точку зрения об идентичности понятий «организация» и «сообщество».

Как представляется, употребление термина преступное сообщество уместно в том случае, когда идет речь о политической направленности преступной деятельности данной организации, материальная заинтересованность в данном случае, выступает на второй план.

Определение одной формы соучастия с помощью двух понятий затрудняет практическую реализацию соответствующей правовой нормы и создает предпосылки для многочисленных споров относительно тождества данных понятий. В этом смысле, целесообразным представляется оставить только одно понятие – преступное сообщество.

Таким образом, на основании анализа изложенных позиций исследователей, представляется необходимым отметить нецелесообразность разграничения понятий преступного сообщества и преступной организации.

Думается, что законодатель весьма правильно закрепляет данные понятия как идентичные. Уголовный закон должен стремиться к точности терминов. Если преступная организация и преступное сообщество являются тождественными явлениями по задумке законодателя, то достаточно употребление в УК РФ одного из них.

Для прекращения споров вокруг отождествления обозначенных понятий необходимо исключить из законодательной дефиниции понятие преступной организации и оставить только термин «преступное сообщество».

Уголовное законодательство определяет концепцию и характеристики преступного сообщества. В то время как особая часть УК РФ не описывает составы преступлений, где совершение деяний преступным сообществом выступало бы в роли обстоятельства, усугубляющего ответственность.

Подчёркивание законом составов деяний, исполненных через преступное сообщество, указывает на высокую степень их общественной опасности.

Масштабы вреда, причиняемого преступным сообществом, в котором задействованы должностные лица, могут достигать невероятных масштабов, что говорит о высокой общественной опасности совершаемого подобным образом деяния. Установить же такое должностное лицо на практике может быть очень затруднительно в виду его положения и особых полномочий.

УК РФ содержит достаточно полные положения о характеристиках уголовной ответственности за формирование, руководство или участие в таких сообществах, а также предусмотрена возможность освобождения от наказания.

Неэффективность и иррациональность практики отказа государства от сотрудничества с преступником были установлены и доказаны историей уголовного законодательства.

Думается, что существование возможности освобождения от уголовной ответственности в рамках указанной нормы является достаточно оправданным шагом, учитывая масштабы последствий, которые могут быть причинены преступным сообществом и сложностью выявления таких видов преступлений. На основании этого государство должно использовать любые возможности, так или иначе направленные на борьбу с организованной преступностью.

Глава 3 Проблемы квалификации преступлений, совершаемых в составе преступного сообщества (организации) и пути их решения

3.1 Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ

Квалификация преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ сопряжена с рядом проблем, большинство из которых связано с несовершенством правовых норм, закрепляющих положения, посвященные преступному сообществу и участию в нем. В свою очередь, наличие сложностей, с которыми сталкивается должностное лицо в процессе квалификации, приводит к тому, что преступления, предусмотренные ст. 210 УК РФ, не вменяются соответствующим лицам.

Одна из основных трудностей, связанных с классификацией преступлений, осуществляемых преступными группировками, заключается в сложности определения характеристик, специфических для этого типа соучастия. В практической сфере могут возникать затруднения при дифференциации между организованной группой и преступным сообществом.

Также одной из актуальных проблем квалификации, привлекающей достаточно большое внимание исследователей, является сложность установления признаков состава преступления, предусмотренного ст. 210 УК РФ, что вызвано несовершенством конструкции диспозиции указанной статьи.

Так, по мнению М.А. Кшевицкой, имеет место «расплывчатость и двойственность понятий и формулировок, закрепленных в законе, а также неоправданное утяжеление понятийного аппарата» [23, с. 247].

Относительно неточности и утяжеления понятийного аппарата, следует согласиться с указанными автором. Более того, исследуемая статья представляется перегруженной, содержащей в себе несколько самостоятельных составов, которые целесообразнее было выделить в

отдельные статьи. Уголовная ответственность в рамках статьи 210 УК РФ закреплена за совершение таких деяний, как:

- «создание преступного сообщества;
- руководство преступным сообществом;
- координация действий участников, создание устойчивых связей, разработке планов и создании условий для совершения преступлений организованными группами, раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами;
- участие в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) и (или) организованных групп,
- участие в преступном сообществе» [62, с. 563].

Думается, что участие в преступном сообществе и руководство им являются не совсем равнозначными деяниями для того, чтобы сосредотачивать их в рамках одной статьи.

Более того, следует согласиться с тем, что под участием в преступном сообществе подразумевается не только вхождение в состав указанной организации, но и «разработка планов по подготовке к совершению одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений и (или) непосредственное совершение указанных преступлений либо выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (финансирование, снабжение информацией, ведение документации, подыскание жертв преступлений, установление в целях совершения преступных действий контактов с должностными лицами государственных органов, лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, создание условий совершения преступлений и т.п.)» [62, с. 564].

Если руководство и участие могут заключаться в одних и тех же действиях, то, как следователь и суд должны квалифицировать соответствующее деяние, как должны отличить руководство от участия?

Более того, нелогичным представляется закрепление в ч. 1 ст. 210 УК РФ уголовной ответственности за руководство, создание преступного сообщества, координацию действий его участников, а в ч. 2 данной статьи уголовную ответственности за участие в таком сообществе. Наказание за деяния, предусмотренные ч.1, представляет собой лишение свободы на срок от 12 до 20 лет, а за деяния, указанные в ч. 2 ст. 210 УК РФ - лишение свободы на срок от 7 до 10 [44, с. 110].

Это говорит о том, что тяжесть преступлений, перечисленных в первой части больше тяжести деяний, закрепленных во второй. По логике построения норм УК РФ составы преступлений располагаются в статье, как правило, от наименее тяжкого к наиболее. Первая часть, как правило содержит деяние без квалифицирующих признаков, вторая - с квалифицирующими признаками, третья – с особо квалифицирующими. Конструкция ст. 210 УК РФ составлена с нарушением этого порядка.

Сложность представляет и то, что ст. 210 практически не применяется самостоятельно без совокупности с иными статьями УК РФ, которые предусматривают совершение преступления в форме соучастия. Отдельными авторами это объясняется тем, что «нельзя доказать состав преступления на стадии создания преступной организации без совершения ею других преступлений. Однако по смыслу статьи 210 УК РФ, создание преступного сообщества или участие в нем не обязательно предполагает наличие уже совершенных преступлений соответствующей категории тяжести. Если же не установлено совершение сообществом тяжких или особо тяжких преступлений, то доказать, что целью создания было именно это, практически невозможно» [64, с. 102].

Подобный подход можно встретить и в работах зарубежных специалистов [67].

Еще одним проблемным моментом квалификации преступлений, предусмотренных ст. 210 УК РФ, являются случаи, когда банды объединены в рамках одного преступного сообщества.

Ж.В. Виденькина по данному поводу отмечает, что «если банды или организованные группы входят в состав преступного сообщества как его структурные подразделения, то преступные действия участников организованных групп подлежат квалификации по признакам ст. 210 УК, тогда как действия участников банды и организаторов, руководителей (лидеров) всего преступного сообщества подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 209 и 210 УК. Учитывая принцип субъективного вменения, необходимо, чтобы члены организованных групп и банд осознавали свою принадлежность к преступному сообществу, а организаторы и руководители этого сообщества точно знали о существовании банды как структурного подразделения. Иначе действия субъектов, участвующих в преступном подразделении - банде, но не знающих о существовании преступного сообщества, в состав которого они входят, следует квалифицировать по ст. 209 УК без совокупности со ст. 210 УК» [8, с. 70].

Обращаясь к судебной практике по делам об участии в преступном сообществе, можно отметить, что в ряде случаев, имеет место сложность доказуемости действия преступников в рамках преступного сообщества, а также сложность в установлении отличительных признаков преступного сообщества.

Так, по одному из дел, подсудимый отметил, что фабула предъявленного по ч. 2 ст. 210 УК РФ обвинения не соответствует положениям закона, а в его действиях отсутствуют признаки преступления, предусмотренного данной статьей, так как не доказано наличие лиц, создавших преступное сообщество, количество его структурных подразделений, периоды его деятельности, списки его членов, при этом все осужденные не были знакомы друг с другом и не поясняли, что он был членом данного сообщества; что в материалах дела отсутствуют сведения, подтверждающие его извещение о наличии преступного сообщества, о его целях и отведенной ему роли; что он не давал согласия на участие в данном преступном сообществе и на совершение каких-

либо преступных действий; что в изъятых у него телефонах и планшете информация об этом отсутствует; что также отсутствуют какие-либо данные о том, что осужденные имели отработанную систему конспирации и защиты от правоохранительных органов, связи с другими преступными группами и органами власти» [35].

Как видно из данного примера, при квалификации деяния по ст. 210 не было установлено наличие руководства у данной организации, количество его структурных подразделений, периоды его деятельности, списки его членов и другие значимые для квалификации признаки, что делает затруднительным возможность квалификации действий соответствующих лиц, как участие в преступном сообществе.

Рассматриваемая проблема имеет достаточно важное значение в общем контексте верной квалификации противоправных действий, содержащих анализируемые объективные признаки.

Также следует подчеркнуть верность суждений о том, что «под участием в преступном сообществе подразумевается не только вхождение в состав указанной организации, но и «разработка планов по подготовке к совершению одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений и (или) непосредственное совершение указанных преступлений либо выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такого сообщества (финансирование, снабжение информацией, ведение документации, подыскание жертв преступлений, установление в целях совершения преступных действий контактов с должностными лицами государственных органов, лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, создание условий совершения преступлений и т.п.)» [62, с. 564].

Данный тезис позволяет более целостно сформировать понимание особенностей квалификации анализируемого деяния.

3.2 Проблемы отграничения соучастия в форме преступного сообщества (организации) от иных форм соучастия и групповых форм совершения преступления

Одна из основных трудностей, связанных с классификацией преступлений, осуществляемых преступными группировками, заключается в сложности определения характеристик, специфических для этого типа соучастия. В практической сфере могут возникать затруднения при дифференциации между организованной группой и преступным сообществом.

Исходя из содержания данных норм, «отличие в этих формах соучастия состоит в том, что у преступного сообщества есть единое руководство и цель объединения состоит в совершении тяжких и особо тяжких преступлений и получении материальной выгоды. Однако, на практике установить указанные признаки, основываясь на объективных факторах, может быть достаточно проблематично» [30, с. 78].

Изложение в законодательном акте определений криминального сообщества, включающих такие элементы, как наличие централизованного управления и цели в виде совершения гравитационных преступлений и извлечения материальной выгоды, усложняет процесс юридической квалификации и порождает трудности при отграничении этой формы сотрудничества от других форм, например, от организованной группы.

А.Н. Мондохонов обращает внимание на то, что «уголовно-правовое понятие преступного сообщества (преступной организации) не содержит в себе определяющие признаки, позволяющие четко разграничить данную форму соучастия с другими формами соучастия, в частности с организованной группой. Зачастую это влечет за собой вынесение приговоров с исключением из объема обвинения ст. 210 УК РФ» [29, с. 23].

В свою очередь, за участие в преступном сообществе отдельной статьей УК РФ предусмотрена ответственность. Так, «ст. 210 закрепляет уголовную ответственность не только за организацию преступного сообщества, но и за

участие в нем. В то время, как за участие в организованной группе, которая также может быть создана для совершения нескольких преступлений, уголовной ответственности в рамках отдельной статьи не предусмотрено» [59].

Непонятной является ситуация, согласно которой ч. 5 ст. 35 УК РФ говорит о том, что «лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими, подлежит уголовной ответственности за их организацию и руководство ими в случаях, предусмотренных статьями 205.4, 208, 209, 210, 282.1 УК РФ».

По данному поводу А.Н. Мондохонов отмечает, что «несмотря на использование термина «сообщество» при обозначении террористического и экстремистского сообществ, в основу последних заложена не форма соучастия «преступное сообщество (преступная организация)», а форма соучастия «организованная группа». Представляется, что такое решение принято законодателем неслучайно и объясняется оно криминализацией самого факта создания, руководства и участия в экстремистском и террористическом сообществах» [28, с. 53].

Как видно, в рамках отдельных статей УК РФ, преступное сообщество определяется по-разному: «В одном случае преступное сообщество определяется, как организованная группа, в другом - как устойчивая группа лиц. Все это затрудняет правильную квалификацию преступных деяний. в связи с чем, представляется необходимым привести все нормы УК РФ, посвященные преступному сообществу к единообразному пониманию» [28, с. 54].

По поводу отличительных признаков преступного сообщества Постановление Пленума Верховного Суда № 12 устанавливает, что «преступное сообщество (преступная организация) отличается от иных видов преступных групп более сложной внутренней структурой, наличием цели совместного совершения тяжких или особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды, а

также возможностью объединения двух или более организованных групп с той же целью» [41].

Кроме того, указанное Постановление отмечает, что «преступное сообщество (преступная организация) может осуществлять свою преступную деятельность либо в форме структурированной организованной группы, либо в форме объединения организованных групп, действующих под единым руководством». Иными словами, преступное сообщество представляет собой ту же организованную группу, только структурированную, «состоящую из подразделений (подгрупп, звеньев и т.п.), характеризующихся стабильностью состава и согласованностью своих действий» [41].

Современными исследователями структурированность называется оценочным, субъективным критерием, который необходимо отразить объективно.

Так, Д.А. Григорьев предлагает в качестве объективных характеристик структурированности рассматривать наличие двух и более территориальных подразделений данной группы с единым руководством [10, с. 211].

В современной доктрине предлагается вообще убрать преступное сообщество из форм соучастия, поскольку «оно не может быть формой соучастия в конкретном преступлении. Получается, что такое серьезное нормативное решение, как выделение видов преступных групп, должно зависеть не от их существа, а от юридической техники построения Особенной части уголовного законодательства» [9, с. 30].

Авторами называется такие неотъемлемые признаки соучастия, как единство умысла соучастников и взаимная осведомленность лиц о совместном совершении преступления [61, с. 67].

Однако соблюдение данных признаков в рамках преступного сообщества может быть нарушено. К примеру, преступное сообщество было создано для совершения преступлений в сфере сбыта наркотических веществ, но в рамках осуществления преступной деятельности членами группы было совершено убийство. Установить, охватывалось ли совершение убийства

умыслом других участников или нет, очень проблематично, поскольку вина сосредоточена в субъективной плоскости.

Исполнители могут совершать преступление, имея косвенные намерения, в то время как те, кто стоит за организацией и предоставляет помощь, могут участвовать с прямым умыслом, эксплуатируя неведение исполнителей. А исполнители с безразличием относятся к тому, что совершаемые ими действия могут быть преступными. Примером такого соучастия может служить ситуация, когда имело место распространение наркотических веществ, при которой организаторами привлекались лица для передачи самих наркотиков или же лица, через которые обеспечивалось взаимодействие с покупателями веществ. Исполнители являлись курьерами, не знающими, что находилось в посылках. В процессе судебного разбирательства данные лица утверждали, что не знали о том, что участвовали в схеме распространения наркотических веществ, однако суд признавал их действия, совершенные с косвенным умыслом.

Вопросы вызывает и следующее положение Постановления Пленума № 12: «Если участники организованной группы, первоначально объединившиеся для совершения преступлений небольшой и (или) средней тяжести, совершили одно или несколько тяжких и (или) особо тяжких преступлений, их действия подлежат квалификации по соответствующей части ст. 210 УК РФ при условии, что эта организованная группа до совершения тяжкого или особо тяжкого преступления преобразовалась в преступное сообщество (преступную организацию), то есть стала обладать признаками, предусмотренными ч. 4 ст. 35 УК РФ» [41].

Иными словами, для квалификации деяния по ст. 210 УК РФ, должно быть установлено наличие руководства. Однако, на практике установление наличия руководства может быть достаточно затруднительным ввиду того, что таковым могут являться должностные лица, наделенные особыми полномочиями, которые делают их более неуязвимыми по сравнению с простыми гражданами.

Сущность создания может быть исключительно субъективной. Поэтому более рациональным подходом будет оценка не первоначальных целей формирования преступного сообщества, а анализ категорий тяжести преступлений, которые совершают его члены.

Также многие современные исследователи высказывают критику по поводу указания заработка материальной или финансовой выгоды в качестве цели. А.М. Иванова отмечает, что небольшой практический опыт расследования преступлений по ст. 210 УК РФ обуславливает отсутствие достаточной практической базы расследования, влекущее за собой сложности при доказывании (например, доказывание цели создания сообщества – совершение тяжких либо особо тяжких преступлений) [15, с. 282].

Так, М.С. Кармановский по данному поводу отмечает следующее: «для того чтобы признать лиц членами преступного сообщества, члены структурированной организованной группы или объединения организованных групп должны сплотиться не просто в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений (цель № 1), но и для получения в результате совершения этих преступлений прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды (цель № 2)» [17, с. 91].

В связи с этим, можно отметить, что цель создания преступного сообщества не должна играть решающей роли при квалификации преступлений, должно приниматься во внимание только то, что данное сообщество совершало.

А.В. Горенцев в результате проведенного анализа судебной практики указывает на то, что «квалификация действий виновных лиц, совершивших преступление в составе преступного сообщества, возможна как за совершение одного (продолжаемого), так и нескольких преступлений различной степени тяжести» [9, с. 29].

В связи с этим, автором предлагается добавить в качестве признака преступного сообщества совершение одного продолжаемого тяжкого или особо тяжкого преступления.

3.3 Рекомендации, направленные на совершенствование положений ст. 210 УК РФ, а также иных уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за соучастие

Как было установлено в работе, одним из необходимых направлений совершенствования законодательства о соучастии и статьи 210 УК РФ, является упразднение противоречий между различными статьями УК РФ, посвященными соучастию и преступному сообществу.

Думается, что целесообразно было бы заменить словосочетание «преступное сообщество» на «преступную организацию» в нормах, посвящённых уголовно-правовому регулированию исследуемой сферы.

Следующим направлением совершенствования законодательства о соучастии является установление более объективных критериев такого отличительного признака преступного сообщества, как структурированность. Постановление Пленума № 12 под структурированностью понимает наличие подгрупп, звеньев, которые обособлены территорией и (или) функциями [41]. Однако, если территориальный признак еще можно установить объективно, то функциональная обособленность может быть условной, кроме того, разграничение функций характерно и для организованной группы.

Признак структурированности отличает преступное сообщество от иных форм соучастия и должен быть определен наиболее точно. Необходимо уточнить, какая именно территориальная обособленность имеет место при определении структурированности – сосредоточение подразделений в разных помещениях или в разных районах, городах и т.д.

В судебной практике признак структурированности устанавливается на основании следующих обстоятельств:

- преступное сообщество включало подразделения, которые осуществляли свою деятельность в офисах по различным адресам и различной специализации»; в состав группы входили менеджеры,

- которые занимались мошенничеством; лица, которые снимали денежные средства, полученные преступным путем и руководители;
- деятельность подразделений осуществлялась по разным адресам, имелось центральное подразделение, в структуру подразделения входили бухгалтер, номинальные директора и руководители;
 - сообщество включало три самостоятельно действующих структурных подразделения: штатные сотрудники банка, внештатные консультанты, руководители.

На основании анализа судебной практики можно сделать вывод, что территориальная обособленность выражается в расположении структурных подразделений по разным адресам.

Данное уточнение территориальной обособленности необходимо добавить в Постановление Пленума № 12. Также необходимо внести в указанный правовой акт следующее уточнение, что «при оценке структурированности преступной организации необходимо учитывать только те отношения, связи и взаимодействия между соучастниками, которые проявились в совместном совершении преступления» [17, с. 88], а также то, что «не может учитываться в качестве критерия структурированности преступной группы организационно-штатная структура юридического лица, государственного органа, органа местного самоуправления, государственного и муниципального учреждения, в котором соучастники осуществляли трудовую и (или) экономическую деятельность» [17, с. 88].

Для улучшения норм уголовного права, касающихся соучастия и преступных сообществ, представляется важным пересмотреть формулировку целей создания преступной организации. В действующем законодательстве прописано, что целями могут быть совершение тяжких или особо тяжких преступлений, а также получение материальной или финансовой выгоды. Однако более точно было бы определить в законе не основания для создания таких сообществ, а их функциональные задачи. Как указывалось ранее, для

того чтобы действие было квалифицировано по статье 210 УК РФ, необходимо установление факта совершения преступления.

В этой связи, необходимо изложить ч. 4 ст. 35 УК РФ следующим образом: «Преступление признается совершенным преступной организацией, если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых принимают участие в совершении одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, направленных на получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды».

Для решения обозначенной в работе проблемы перегруженности статьи 210 УК РФ, а также некорректности построения указанной статьи, представляется необходимым либо разделение ее на две самостоятельных либо взаимное изменение расположения частей первой и второй. Наиболее эффективным представляется первый вариант. Как было отмечено в работе, в рамках указанной статьи сосредоточено несколько самостоятельных составов, в частности, это создание, участие и руководство, осуществляемые в рамках преступного сообщества.

Необходимо также отметить, что руководство преступным сообществом подразумевает участие в нем, а вот участие не охватывается понятием руководства. В этой связи можно говорить о том, что ст. 210 предусматривает ответственность за участие и за руководство.

Еще одной обозначенной проблемой конструкции ст. 210 УК РФ является перегруженность понятийного аппарата, в частности, то, что данная статья дублирует цель создания данной организации - «совершение тяжких или особо тяжких преступлений», однако не указывает полный список целей, которые закреплены в ч. 4 ст. 35 УК РФ - «получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды». Представляется, что, если указываются цели создания преступного сообщества, то они должны быть изложены полным списком. Более целесообразно вовсе убрать указание на совершение тяжких и особо тяжких преступлений из ст. 210 УК РФ, поскольку

это только перегружает диспозицию, но не несет никакого смысла, так как определение преступного сообщества с указанием его целей дано в ст. 35 УК РФ.

В работе также было отмечено, что имеет место правовая неопределенность относительно того, что и руководство и участие могут выражаться в планировании деятельности сообщества и создании условий для осуществления деятельности соответствующей организации.

Обращаясь к судебной практике, можно установить, что руководство может выражаться в следующем:

- «распределение ролей между участниками организованного преступного сообщества и дача им различных указаний, обучение вовлеченных в состав преступного сообщества лиц методам и формам хищения, получение от подчиненных ежедневных отчетов» [51, с. 103];
- «обеспечение общей безопасности, организация материально-технического обеспечения, распределение обязанностей между структурными подразделениями; дача прямых указаний конкретным участникам различных структурных подразделений преступного сообщества; взаимодействие с иными преступными группами» [63, с. 425].

Как видно из анализа судебной практики, отличительной чертой осуществления руководства в преступном сообществе во всех случаях была дача указаний и распоряжений иным участникам или подразделениям.

Думается, что необходимо ограничить понятие руководства, данное в Постановлении Пленума № 12, поскольку оно создает путаницу. Необходимо указать, что руководство преступным сообществом выражается в «осуществлении организационных и (или) управленческих функций в отношении преступного сообщества (преступной организации), его (ее) структурных подразделений, а также отдельных его (ее) участников как при совершении конкретных преступлений, так и при обеспечении деятельности

преступного сообщества (преступной организации). К функциям руководителя преступного сообщества (преступной организации) следует также относить принятие решений и дачу соответствующих указаний участникам преступного сообщества (преступной организации) по вопросам, связанным с распределением доходов, полученных от преступной деятельности, с легализацией денежных средств, добытых преступным путем, с вербовкой новых участников, с внедрением членов преступного сообщества в государственные, в том числе правоохранительные, органы» [41].

Остальные положения указанного постановления относительно того, что руководство может выражаться «в определении целей, в разработке общих планов деятельности преступного сообщества (преступной организации), в подготовке к совершению конкретных тяжких или особо тяжких преступлений, в совершении иных действий, направленных на достижение целей, поставленных преступным сообществом (преступной организацией) и входящими в его (ее) структуру подразделениями при их создании (например, в распределении ролей между членами сообщества, в организации материально-технического обеспечения, в разработке способов совершения и сокрытия совершенных преступлений», целесообразно упоминать относительно участия в преступном сообществе.

Для более корректного построения исследуемой уголовно-правовой нормы, необходимым представляется изложить ее следующим образом: ст. 210 назвать «Создание преступной организации или руководство ей», а ч. 1 указанной статьи изложить так: «Создание преступной организации либо руководство преступной организацией или входящими в неё структурными подразделениями, а равно координация действий организованных групп, создание устойчивых связей между ними, раздел сфер преступного влияния и (или) преступных доходов между такими группами».

Ч.1.1 оставить без изменения. Ч.2 необходимо выделить в отдельную статью под названием: «Участие в преступной организации» и изложить ее следующим образом: вхождение в состав организации, а также разработка

планов по подготовке к совершению одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений и (или) непосредственное совершение указанных преступлений либо выполнение лицом функциональных обязанностей по обеспечению деятельности такой организации».

Еще одним направлением совершенствования законодательства, посвященному такой форме соучастия, как преступная организация, современными исследователями называется необходимость устранения из ч. 4 ст. 35 УК РФ указания на структурированную организованную группу.

М.С. Кармановский и Е.В. Косьяненко предлагают «под преступным сообществом (преступной организацией) понимать объединение организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких преступлений» [17, с. 88].

Думается, что такой подход способствует установлению более четких границ между обозначенными формами соучастия и способствует упрощению квалификации.

На основании вышеизложенного в третьей главе диссертации, можно сделать следующие выводы.

Законодательная регламентация института соучастия и, в частности, такой его формы, как преступное сообщество, сопряжена с многочисленными проблемами и неточностями, что оказывает негативное влияние на процесс квалификации.

Судебная практика по делам об участии в преступном сообществе, говорит о том, что в ряде случаев, имеет место сложность доказуемости действия преступников в рамках преступного сообщества, а также сложность в установлении отличительных признаков преступного сообщества.

Одна из основных трудностей, связанных с классификацией преступлений, осуществляемых преступными группировками, заключается в сложности определения характеристик, специфических для этого типа

соучастия. В практической сфере могут возникать затруднения при дифференциации между организованной группой и преступным сообществом.

Относительно наличия в структуре преступного сообщества различных территориальных подразделений также возникают вопросы, должны ли участники одного такого отделения нести уголовную ответственность за преступления, совершенные другим, если они не принимали какого-либо участия в подготовке и совершении.

В современной доктрине предлагается вообще убрать преступное сообщество из форм соучастия.

Исполнители могут совершать преступление, имея косвенные намерения, в то время как те, кто стоит за организацией и предоставляет помощь, могут участвовать с прямым умыслом, эксплуатируя неведение исполнителей. А исполнители с безразличием относятся к тому, что совершаемые ими действия могут быть преступными.

Примером такого соучастия может служить ситуация, когда имело место распространение наркотических веществ, при которой организаторами привлекались лица для передачи самих наркотиков или же лица, через которые обеспечивалось взаимодействие с покупателями веществ.

Исполнители являлись курьерами, не знающими, что находилось в посылках. В процессе судебного разбирательства данные лица утверждали, что не знали о том, что участвовали в схеме распространения наркотических веществ, однако суд признавал их действия, совершенные с косвенным умыслом.

Сущность создания преступного сообщества может быть исключительно субъективной.

Поэтому более рациональным подходом будет оценка не первоначальных целей формирования преступного сообщества, а анализ категорий тяжести преступлений, которые совершают его члены.

В судебной практике признак структурированности устанавливается на основании следующих обстоятельств:

- преступное сообщество включало подразделения, которые осуществляли свою деятельность в офисах по различным адресам и различной специализации»; в состав группы входили менеджеры, которые занимались мошенничеством; лица, которые снимали денежные средства, полученные преступным путем и руководители;
- деятельность подразделений осуществлялась по разным адресам, имелось центральное подразделение, в структуру подразделения входили бухгалтер, номинальные директора и руководители;
- сообщество включало три самостоятельно действующих структурных подразделения: штатные сотрудники банка, внештатные консультанты, руководители.

Основные проблемы можно сформулировать так:

- некорректность конструкции ст. 210 УК РФ, когда в ч. 1 располагается деяние большей тяжести, чем в ч. 2;
- неточность понятийного аппарата (и для руководства и для участия предусмотрено выполнение одних функций – планирование деятельности);
- некорректность указания в ч. 4 ст. 35 УК РФ и в ч. 1 ст. 210 различных целей создания преступной организации;
- некорректность указания на цель создания преступной организации и т.д.

Для решения выявленных в работе проблем необходимо сформулировать направления совершенствования законодательства:

- упразднение противоречий между различными статьями УК РФ, посвященными преступному сообществу (приведение понятия преступного сообщества к единому образцу во всех статьях уголовного закона либо замена словосочетания преступное сообщество на понятие преступная организация);
- установление более объективных критериев такого отличительного признака преступного сообщества, как структурированность

(уточнение, в чем именно выражается территориальная обособленность; указание на то, что при оценке структурированности необходимо учитывать только те отношения между соучастниками, которые проявились в совместном совершении преступления);

- необходимость более корректной формулировки цели создания преступной организации (наиболее корректно указать в законе не то, с какой целью создано сообщество, а то, с какой целью оно функционирует);
- изложить ч. 4 ст. 35 УК РФ следующим образом: «Преступление признается совершенным преступной организацией, если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых принимают участие в совершении одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, направленных на получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды»;
- разделение ст. 210 УК РФ на две самостоятельных, одна из которых будет посвящена уголовной ответственности за создание и руководство преступной организацией, другая - за участие в данном сообществе;
- необходимо ограничить понятие руководства, данное в Постановлении Пленума № 12 (убрать указание на разработку планов и обеспечение условий для осуществления деятельности).

Таким образом представляется возможным усилить нормативную основу уголовно-правового противодействия организованной преступности, нейтрализовав хотя бы часть имеющихся противоречий правового регулирования.

Заключение

Подводя итоги научного исследования, можно обозначить следующие выводы и предложения, направленные на совершенствование уголовно-правового регулирования.

Институциональное развитие концепции соучастия прошло обширный путь эволюции, что нашло своё отражение в комплексе исторических документов.

Несмотря на это, вести речь об успешном противодействии организованной преступности не приходится. Это вызвано постоянным изменением форм высокоорганизованных преступных объединений, стремящихся адаптироваться к новым экономическим и политическим условиям, а также к достижениям научно-технического прогресса.

Кроме того, имеют место многочисленные ошибки правоприменения, допускаемые как на этапе квалификации организованных форм преступной деятельности в рамках возбуждения уголовного дела, так и при разрешении соответствующих уголовных дел судом. Вероятно, это связано с противоречивым судебным толкованием, что обусловлено различиями в подходах к правоприменению.

В современном уголовном законодательстве понятие соучастие получило легальное закрепление, а ее формы нашли свое место в одной из статей УК РФ (ст. 35), где распределены по степени общественной опасности, - от наименее опасного к наиболее опасному. Среди них: группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество.

Важно принять во внимание такие критерии как: характер участия каждого из соучастников в преступлении и уровень их действий координации при классификации форм соучастия.

Преступная организация имеет определённые признаки: сложную иерархическую структуру и цель создания - получение финансовых выгод через совершение тяжких или особо тяжких преступлений.

Институт соучастия прошел путь от простого упоминания возможности совершения преступления группой лиц и усиления ответственности для всех участников до подробной градации форм соучастия и выделения их видов с определением ролей. В более поздних источниках дореволюционного периода закреплялись различные формы организованной преступности.

Ответственность соучастников длительное время не дифференцировалась в зависимости от роли каждого в совершении преступления, но были заложены важнейшие основы выделения предварительного сговора в рамках института соучастия.

Соответствующая уголовно-правовая основа противодействия организованной преступности заложена как в нормах Общей части УК РФ, в рамках регламентации соучастия в преступлении (глава 7 УК РФ), так и в нормах Особенной части, применительно к отдельным составам преступлений, касающимся организованной преступности – например, ст. 210 УК РФ. Именно данная уголовно-правовая норма стала ключевой в формировании эффективной практики противодействия созданию преступных сообществ (преступных организаций) и участию в таковых.

К формам соучастия законодатель обоснованно относит: группу лиц, группу лиц по предварительному сговору, организованную группу и преступное сообщество.

Преступные сообщества представляют собой особо опасный криминальный элемент современного мира, поскольку в их структуру, как правило, включены должностные лица, иногда – сотрудники правоохранительных органов. Все это затрудняет раскрываемость таких преступлений. В ряде случаев, к ответственности привлекаются исполнители, а организаторы и пособники остаются незамеченными.

Комплекс проблем, связанных с уголовно-правовым инструментарием противодействия организованным формам преступной деятельности, требует обсуждения и корректировки на научном и правоприменительном уровнях, с выработкой возможных рекомендаций по совершенствованию законодательства в этом направлении.

Понятие и признаки преступного сообщества определены законом. Однако в современной доктрине предлагаются иные варианты определения данной формы соучастия, а также выделяются дополнительные признаки, не закрепленные законом: сплоченность, профессионализм участников, ограниченный круг участников, максимально точное планирование действий.

Безусловно, подобные деяния обладают высокой степенью общественной опасности и наносят вред не только общественным отношениям в сфере общественной безопасности, но общественным отношениям в сфере безопасности государства. Кроме того, масштабы вреда, причиняемого преступным сообществом, в котором задействованы должностные лица, могут достигать невероятных масштабов.

Следует указать на спорное отношение научной мысли к отождествлению понятий преступного сообщества и преступной организации. Думается, что законодатель весьма правильно закрепляет данные понятия как идентичные.

Для прекращения споров вокруг отождествления обозначенных понятий необходимо исключить из законодательной дефиниции понятие преступной организации и оставить только термин «преступное сообщество».

Законодательная регламентация института соучастия и, в частности, такой его формы, как преступное сообщество, сопряжена с многочисленными проблемами и неточностями, что оказывает негативное влияние на процесс квалификации.

Как обосновывалось в работе, практика применения норм, направленных на противодействие организованной преступности, полна многочисленных ошибок правоприменения, допускаемых как на этапе

квалификации организованных форм преступной деятельности в рамках возбуждения уголовного дела, так и при разрешении соответствующих уголовных дел судом. Вероятно, это связано с противоречивым судебным толкованием, что обусловлено различиями в подходах к правоприменению.

Основные проблемы можно сформулировать следующим образом:

- перегруженность ст. 210 УК РФ (сосредоточение нескольких составов в одной норме);
- некорректность конструкции ст. 210 УК РФ, когда в ч. 1 располагается деяние большей тяжести, чем в ч. 2;
- неточность понятийного аппарата (и для руководства и для участия предусмотрено выполнение одних функций – планирование деятельности);
- некорректность указания в ч. 4 ст. 35 УК РФ и в ч. 1 ст. 210 различных целей создания преступной организации;
- некорректность указания на цель создания преступной организации и т.д.

Для решения выявленных в работе проблем необходимо сформулировать следующие направления совершенствования законодательства:

- следует убрать противоречия между различными статьями УК РФ, посвященными преступному сообществу (привести понятие преступного сообщества к единому образцу во всех статьях уголовного закона, либо заменить словосочетание «преступное сообщество» на понятие «преступная организация»);
- установить более объективные критерии такого отличительного признака преступного сообщества, как структурированность (необходимо уточнение, в чем именно выражается территориальная обособленность, а также указание на то, что при оценке структурированности необходимо учитывать только те отношения

между соучастниками, которые проявились в совместном совершении преступления);

- необходима более корректная формулировка цели создания преступной организации (наиболее корректно указать в законе не то, с какой целью создано сообщество, а то, с какой целью оно функционирует);
- изложить ч. 4 ст. 35 УК РФ следующим образом: «Преступление признается совершенным преступной организацией, если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых принимают участие в совершении одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, направленных на получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды»;
- разделить ст. 210 УК РФ на две самостоятельные уголовно-правовые нормы, одна из которых будет посвящена уголовной ответственности за создание и руководство преступной организацией, другая - за участие в данном сообществе;
- необходимо ограничить понятие руководства, данное в Постановлении Пленума № 12 (убрать указание на разработку планов и обеспечение условий для осуществления деятельности).

Таким образом представляется возможным усилить нормативную основу уголовно-правового противодействия организованной преступности, нейтрализовав хотя бы часть имеющихся противоречий правового регулирования.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.06.2020 г. по делу № 2-6/2019 // СПС «Консультант плюс».
2. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.11.2019 г. № 73-АПУ19-17 // СПС «Консультант плюс».
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 03.07.2019 г. по делу № 10-10648/2019 // СПС «Консультант плюс».
4. Апелляционное определение Московского городского суда от 19.11.2019 г. № 10-20405/2019 // СПС «Консультант плюс».
5. Артикул воинский от 26.04.1715 г. // Хрестоматия по истории государства и права России. / Ю.П. Титов. М.: Проспект, 2008.
6. Балеев С.А. О понятии соучастия в преступлении в действующем уголовном законе // Российский следователь. 2010. № 13. С. 17-19.
7. Бычкова Н.О. Понятие преступного сообщества (преступной организации) в современном уголовном праве России // Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей XII Международной научно-практической конференции. Пенза : Наука и Просвещение, 2022. С. 74-77.
8. Виденькина Ж.В. Ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем: научно-практическое пособие / отв. ред. Н.Г. Кадников. - М. : Юриспруденция, 2014. 136 с.
9. Горенцев А.В. Основные проблемы квалификации преступного сообщества // Актуальные исследования. 2020. № 10-2(13). С. 28-31.
10. Григорьев Д.А. Уголовно-правовая характеристика ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней). Дисс. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2018. 232 с.

11. Данилов Д.О. Отличие преступного сообщества (преступной организации) от организованной группы // Уголовное право. 2024. № 6. С. 3-13.
12. Декрет ВЦИК от 07.03.1918 г. № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
13. Еременко Д.Е., Захарова А.А., Носова Д.Н. Проблема понимания понятий «преступное сообщество» и «преступная организация» в современном уголовном праве России // Молодой ученый. 2019. № 50(288). С. 508-510.
14. Закон СССР от 25.12.1958 г. «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Ведомости ВС СССР. 1958. № 1. Ст. 6.
15. Иванова А.М. Проблемы, возникающие при квалификации преступного сообщества // Молодой ученый. 2023. № 45(492). С. 281-284.
16. Канюкова В.А. Проблема определения понятия «преступное сообщество» («преступная организация») // Право. Общество. Государство: Сборник научных трудов студентов и аспирантов. СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», 2021. С. 19-21.
17. Кармановский М.С., Косьяненко Е.В. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности преступного сообщества (преступной организации) // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 87-99.
18. Клименко Ю.А. Классификация соучастия: формы, виды, значение для уголовно-правовой оценки преступления // Lex russica. 2016. № 5. С. 156-168.
19. Козловская М.Г. Преступное сообщество: криминологический подход // Правоприменение. 2020. № 4 (2). С. 109-116.

20. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. - М. : Проспект, 2021. 816 с.

21. Костин А.В. Формы соучастия в преступлении // Вопросы российского и международного права. 2023. Т. 13. № 6-1. С. 332-339.

22. Костомаха К.В. Трактовка понятия и признаков преступного сообщества (преступной организации), содержащаяся в УК РФ // Аллея науки. 2019. Т. 3, № 5 (32). С. 839-845.

23. Кшевицкая М.А. Проблемы реализации уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нём (ней) // Уголовно-правовые и криминологические направления противодействия преступности. 2019. № 3. С. 245-250.

24. Лебедев В.Н. К дискуссионности понятия «преступное сообщество (преступная организация)» по действующему УК РФ // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2016. № 9-1. С. 150-155.

25. Лухнева Е.Я. Актуальные проблемы соотношения понятий преступного сообщества и преступной организации // Студенческий научный форум «Будущее науки»: сборник статей международной научной конференции. СПб.: Международный институт перспективных исследований имени Ломоносова, 2023. С. 25-27.

26. Марченкова Е.А. История возникновения и развития института соучастия // Заметки ученого. 2021. № 11-2. С. 44-49.

27. Мирзоян В.Г. Понятие подстрекательства к совершению преступления в УК Российской Федерации и зарубежных стран // Общество и право. 2009. № 4. С. 142-145.

28. Мондохонов А.Н. Понятие, признаки и виды преступных объединений // Законность. 2020. № 3. С. 50-54.

29. Мондохонов А.Н. Преступное сообщество и преступная организация как самостоятельные формы соучастия // Уголовное право. 2018. № 4. С. 83-88.

30. Наджаф Н.А., Шульга А.В. Проблема разграничения понятий «преступное сообщество» и «преступная организация» в рамках ст. 210 УК РФ // Эпомен. 2018. № 17. С. 74-79.

31. Николаев В.С. Проблемы отграничения понятий «организованная группа» и «преступная организация (преступное сообщество)» // Отечественная юриспруденция. 2018. № 2 (27). С. 34-36.

32. Новоселов Г.П. Понятие соучастия и признак совместности участия // Российский юридический журнал. 2012. № 6. С. 103-109.

33. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. - М. : Русс. яз., 1987. 797 с.

34. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 07.08.2014 г. по делу № 2-1/2014 // СПС «Консультант плюс».

35. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 20.12.2023 г. № 19-УД23-30-А3 // СПС «Консультант плюс».

36. Попов В.А. К вопросу о толковании понятия «преступное сообщество» (преступная организация) // Российский следователь. 2016. № 12. С. 43-45.

37. Постановление ВЦИК от 01.06.1922 г. (ред. от 25.08.1924г.) «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

38. Постановление Наркомюста РСФСР от 12.12.1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

39. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 4, апрель, 2012.

40. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2008 г. № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации

преступного сообщества (преступной организации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8, август, 2008.

41. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8, август, 2010.

42. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

43. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 25.11.2020 г. по делу № 101-П20 // СПС «Консультант плюс».

44. Пудовочкин Ю.Е. Концепция соучастия: опыт теоретической разработки и нормативного закрепления // Журнал российского права. 2018. № 8 (260). С. 102-112.

45. Русская Правда // Древнерусское государство и право / под ред. Т.Е. Новицкой. М., 1998.

46. Саетгареева А.А. Понятие «преступное сообщество» и его интерпретации в юридической науке и судебной практике // Южноуральские криминалистические чтения: Доклады научно-практической конференции. Выпуск 28. Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. С. 51-56.

47. Сазанова Е.А. Проблемные вопросы соотношения понятий «организованная группа» и «преступное сообщество (преступная организация)» в теории и уголовном законе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2022. № 6 (145). С. 103-107.

48. Сальников А.В. Исторический генезис понятий «шайка» и «банда» как разновидностей соучастия особого рода в отечественном законодательстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 7. С. 99-103.

49. Сипки М.В. Уголовная ответственность за создание террористического сообщества и участие в нем: недостатки и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 2. С. 175-182.
50. Соборное Уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX веков. Т. 3. Акты Земских соборов. М., 1985.
51. Сологубов А.Ю. Некоторые особенности разграничения понятий организованной группы и преступного сообщества // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 1(38). С. 102-104.
52. Теребилова К.Е. Соучастие в преступлении: понятие, признаки, значение для квалификации // Академическая публицистика. 2023. № 3-2. С. 165-170.
53. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. - М. : КОНТРАКТ, 2017. 384 с.
54. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
55. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960 г.) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
56. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15.08.1845 г. // Отечественное законодательство XI-XX веков. Ч. 1. XI-XIX века. М., 1999.
57. Федеральный закон от 01.04.2020 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 14 (часть I). Ст. 2003.
58. Федорова Д.Н. Проблемы законодательного определения понятия «соучастие в преступлении» // Наука и мир. 2017. № 12-2(52). С. 54-55.
59. Хромов Е.В. Комментарий к отдельным положениям Уголовного кодекса Российской Федерации в решениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2023.

60. Шарапов Р.Д. Соучастие в преступлении: закон, теория, практика // Lex Russica. 2016. № 10. С. 105-115.
61. Шатов С.А. Соучастие в преступлении. Учебники и учебные пособия. М. : Юридический центр Пресс, 2015. 281 с.
62. Штепа К.Е. Понятие и уголовно-правовое значение группы лиц и группы лиц по предварительному сговору как форм соучастия // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 20. С. 561-566.
63. Юсупанов К.М. Понятие «соучастия в преступлении» // Проблемы совершенствования законодательства: сборник научных статей студентов юридического факультета. Махачкала : АЛЕФ, 2019. С. 424-426.
64. Яшков Ю.Г. Преступное сообщество и преступная организация: понятия, их признаки, соотношение терминов // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2018. № 2 (16). С. 102-105.
65. Aksenova M. Returning to Complicity for Core International Crimes // FICHL Policy Brief Series №. 17. 2014. P. 1-4.
66. Dang T.L., Phung Q.T. Complicity in vietnamese criminal law // Universum. 2024. №4 (114). P. 56-58.
67. Dongmey P. Comparative Legal Analysis of the Institute of Complicity in Crime in China and Russia // Lex Russica 1(2). 2020. P. 153-164.
68. Dyson M. The Contribution of Complicity // The Journal of Criminal Law. № 86(6). 2022. P. 389-419.
69. Simester A.P. Complicity, Fundamentals of Criminal Law: Responsibility, Culpability, and Wrongdoing // Oxford Academic. 2021.